

Метро 2035: Эмбрион. Слияние

Автор:

[Юрий Мори](#)

Метро 2035: Эмбрион. Слияние

Юрий Мори

МетроВселенная «Метро 2035»Эмбрион #3

Воронеж, ноябрь 2035 года.

Возвращенный против своей воли в Воронеж сталкер Кат становится центральной фигурой в битве людей и новой нечеловеческой цивилизации, готовой захватить Землю. Само выживание остатков человечества в руках Ката, но выбор зависит и от его друзей. Поиск истины, как всегда, оборачивается большой кровью, существование города под угрозой.

Кто победит, если герой стал злодеем, а бывшие враги важнее, чем друзья, – вот загадка финальной части трилогии «Эмбрион».

Книга содержит нецензурную брань.

Юрий Мори

Метро 2035: Эмбрион. Слияние

Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел.

Лк.11:24

© Глуховский Д., 2017

© Мори Ю., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

1. Начало начал

– Сейчас бы на море... Пивка холодного кружку – и в воду, – потянулся Васильев. – С размаху. С брызгами!

Форменная куртка собралась под мышками в складки, обнажив заметно выступающий живот. Мягкие погоны на плечах смялись. Да и ладно, чай, не спецназ. Научным работникам и такая фигура к лицу. А уж руководителям сам бог велел хорошо есть. Кушать. Жрать иной раз.

Три-четыре раза в день.

– Недурно бы, товарищ полковник, – откликнулся профессор. – Я, правда, не пью.

Вот по Веденееву и не сказать было, что ученый – высокий, сухощавый. Правда, сутулый и в очках, так что часть примет налицо. Еще бы волосы седые были – так один в один профессор из «Назад в будущее».

На самом деле профессор был не просто научным руководителем Воронежской спецлаборатории. Он был ее мозгом, создателем оборудования и организатором. Без него ни направления, ни этой хорошо спрятанной под мирным керамическим заводом сети туннелей и помещений вообще бы не было.

– В Геленджик! – решительно выдохнул полковник и опустил руки. – А пить – вредно, это вы правы... Докладывайте, Николай Петрович.

– S-трансформатор со вчерашнего дня на прогреве, система работает без отклонений. А-часть готова к запуску. Только вот...

Ученый замолчал, переступил с ноги на ногу. Явно чем-то встревожен, но Васильев только нахмурился: что они от него ждут, эти глубокие умы? Чтения мыслей?

– Во-первых, садитесь, – проворчал полковник. – Не строевая часть, могли бы и сами догадаться. Без команды. И излагайте, что именно не так.

Веденеев скрипнул стулом, усаживаясь удобнее. Положил руку на край стола, словно держась за него. Все жесты профессора выдавали неуверенность.

– Да все так. Вроде бы... Но, согласно расчетам, есть небольшая вероятность нештатной ситуации. Пробные пуски на четверти мощности показали возрастание гамма-кривой. Синтез-эффект, сами понимаете. Про него в работах Теслы ничего не сказано.

– Тесла и не строил такую установку, – отозвался полковник. В научной части он понимал слабо, по верхам, но общее руководство-то на нем. И риски – тоже. А вокруг миллионный город, что необходимо учитывать. – Не успел, я помню. Не нашел подходящего источника энергии. А в чем опасность излучения? Радиация?

– Помилуй бог! – махнул рукой Веденеев. – Конечно, нет. Электромагнитный импульс, только вот частота... Знаете, что самое тревожное, Игорь Иванович? Даже я понятия не имею, какие могут быть последствия. Вот что плохо.

– Отставить этот ваш... невроз-психоз! – приказал полковник. – Программа утверждена в Москве, руководство Агентства в курсе и мониторит выполнение по пунктам. Даже там, – он ткнул пальцем в потолок, вряд ли имея в виду расположенный полусотней метров выше склад отделочной плитки, – в курсе. И ждут результат. В чем конкретно опасность?

Профессор опустил плечи, став похож на большого мокрого цыпленка в очках и сером халате с громадными накладными карманами. Из одного торчал край блокнота, из другого – провода с клеммами, словно пара змеиных голов.

– Я могу ошибаться, но возможно воздействие на структуру ДНК. В широком спектре.

– Мутации? Да ну бросьте... Это давно обсуждали и отвергли, перестаньте бояться призраков. Эксперимент необходим – вы же сами сказали, что мы на пороге научного прорыва!

– Так точно, – уныло заметил Веденеев в ответ. – Но осмелюсь заметить...

– Никола-а-ай Петрович, – перебил его начальник и хлопнул ладонью по столу. – Я эти аргументы слышал раз пятьдесят. Все планы построены на ваших же с коллегами расчетах. Хватит! Я – глава ВСЛБЭ, мне и решать.

Зубодробительное сокращение полковник произнес с особым удовольствием, эдакому учиться и учиться. Если хочешь стать начальником, конечно.

– Решение такое: полной мощности на установку не давать, максимум половину. Не будет этого вашего всплеска – три четверти. Смотрим на результат. И докладываем наверх. Как они дальше прикажут, так и поступим.

Профессор совершенно неуставным образом кивнул и тяжело, с трудом, поднялся, словно некто невидимый успел положить ему на плечи мешок цемента.

– Есть, товарищ полковник. Начало эксперимента через полчаса, подходите к пульту.

– Вот так-то лучше. Буду. И давайте без этих ваших... рефлексий. Вы же офицер!

Где-то в шкафу у Веденева действительно висела форма с погонами не мельче васильевских, которую он надевал раз в году, но чувствовал себя профессор абсолютно штатским человеком. Гражданским. Исследователем неведомого, а никак не солдатом Родины. Впрочем, сейчас не важно, лишние это все мысли.

* * *

Зал управления установкой превосходил остальные помещения подземной лаборатории, уступая только реакторному отсеку. Но в последнем люди и не собирались – излучение, да и температура оставляли желать более комфортных условий. Вожделенное полковником пиво там бы просто испарилось, и скорее всего – вместе со стаканом. Установка требовала энергии, даже на четверти мощности она жрала ее как свинья помои.

Возле пульта, нетерпеливо покусывая губу, стоял профессор. Он смотрел на приборы, лишь изредка бросая взгляды на коллег в униформе лаборатории – таких же серых халатах, как и на нем.

Верная ученица, толстая и некрасивая Ираида, вся в работе – под рукой планшет с выводом оперативных данных, дальше калькулятор, оба экрана ноутбуков пестрят графиками. Человек горит работой, так и надо.

А вот начальник отдела исследования воздействия на человека Антон Шамаев, напротив, спокоен как удав. Качает иногда бритой налысо головой, вот и все эмоции. Талантливый ученый, но очень уж вещь в себе. Даже спорить неинтересно. Вот и сейчас он заявил, что эксперимент провалится, и замолчал, не вступая в обсуждение.

Мизантроп и одиночка.

Дальше Эдик Вольтарян – его полная противоположность. Открытый, щедрый на идеи и поступки, своим подопытным животным отец родной. Профессору иногда казалось, что Вольтарян больше любит собак и птиц, чем людей, хотя и в отсутствии коммуникабельности с людьми его не упрекнуть. Нервный только чересчур.

– Кнутов подошел? – оглянулась Ираида. Увидела, кивнула своему лаборанту и снова погрузилась в схемы, графики и цифры.

Мимо прошел энергетик лаборатории. Вот этого господина профессор вообще не понимал. Конечно, Шварцман не ученый, технарь, но откуда столько равнодушия? Робот какой-то, а не человек. Даже Шамаев по сравнению с ним

симпатяга и душа компании.

Шварцман сел за свой пульт под портретом Николы Теслы на стене, рядом с важно наблюдающим за экспериментом полковником. Действующие лица и исполнители в сборе, не хватает только вольтаряновского зверья. А, вон еще Дорченко мялся у дверей лифта экстренной эвакуации, источая терпкий запах одеколона. На посту человек, обеспечивает охрану и безопасность. Бойтся, что перекусаем друг друга, что ли?

Кого здесь охранять...

- Товарищ Зосс, - спросил полковник, - все готово?

Ираида отвлеклась на мгновение, нужное для решительного кивка.

- Внимание персоналу! - звучно продолжил Васильев. - Первая стадия на половинной мощности, вторая - в случае успеха - на три четверти. Мастер-ключ я пока применять не буду.

«Осел ты, - грустно подумал профессор. - Без пиковой мощности результат будет смазан. Но и применять полностью страшно, конечно. А, да ладно...»

- Запуск А-трансформатора, Ира. Мощность ноль пять расчетной, - скомандовал он вслух. - Вольтарян, все по графику. Начнем с вашего зоопарка.

По команде начальника отдела лаборант завел в зал управления четырех собак, провел к дверце приемного отделения S-трансформатора. Заманил внутрь и пристегнул по одной к специальным креплениям, закрепил датчики на теле, шлепая присоски на специально выбритые участки кожи. Потом настала очередь птиц. Две совы, клетка с волнистыми попугаями. Голуби.

Датчиков было меньше, в основном сетки на головы для снятия энцефалограмм в реальном времени.

Все поголовье размещалось внутри конусообразной камеры, на подготовленных местах. Собаки не волновались, их предварительно приучили к помещению, заводя и пристегивая несколько раз в день. Одна из овчарок негромко залаяла,

остальные молчали. Птицы клекотали о чем-то своем, но в целом было тихо.

- Готовность минус три. Минус два. Минус один...

- Ноль, - сказал в наступившей - животные были за плотно запертой дверцей камеры - тишине профессор.

Ираида Зосс мягко коснулась пальцами клавиш одного из ноутбуков. Послышалось гудение. Сперва еле заметное, словно кто-то включил парой этажей выше пылесос, подбирая с пола невидимые пылинки. Потом громче и громче, в гул вплелись басовитые нотки, будто оборудование обиделось и теперь ворчало на своих создателей.

- Реактор в норме. Установка в норме. Двадцать семь процентов мощности.

Бронированное стекло, прикрывавшее вид на вторую приемную камеру, ведущую в А-трансформатор, озарилось неярким сиянием. Призрачный свет, дробящийся, неровный. Тысячи шаров Теслы, расположенные в одному Веденееву известном порядке на стеллажах камеры, начали светиться, хотя эта часть установки получала минимум питания.

- Норма. Тридцать семь процентов мощности.

Гудение теперь не просто было слышно. Еле заметно вибрировали пол, стены, сам воздух, кажется, начал дрожать от сдерживаемой мощи аппаратуры, отбиравшей энергию у компактного ядерного реактора сотней метров ниже. Зашелестели сетчатые решетки уходящей вверх вентиляции; даже лампы освещения, хоть и не мигали, начали светить более тревожно. То ли яркость снизилась, то ли это просто было ощущение от общей напряженной атмосферы зала.

- Норма. Сорок один процент. Сорок семь процентов. Ноль пять мощности.

- Подавайте сигнал на животных, - приказал полковник.

Собаки взвыли, это было слышно даже через толстое стекло и металл двери. Вольтарян дернулся, но глянул на датчики и на время успокоился.

- Пульс повышен. Давление в норме, температура в норме. В самой камере – тоже... – произнес он. Голосовые сообщения дублировали то, что все ученые и руководство видели на мониторах. Традиция, что поделать.

- Ждем? – уточнила Ираида Зосс. Вопрос был задан одновременно и полковнику, и Веденееву. Всем, кто принимал решение.

- Минуту, – сказал Васильев. – Если не будет сбоев, разрешаю мощность ноль семьдесят пять от максимальной.

Шестьдесят секунд прошли в тишине. Гудение, свет, застывшие на рабочих местах люди. Одеколоном Дорченко воняло, кажется, от всего, включая мебель.

- Время. Поднимаю мощность.

Вольтарян открыл рот, но промолчал. Собаки больше не выли, параметры их организмов были без критических отклонений. Что-то ему не нравилось, но интуицию к делу не пришьешь. И эксперимент ею тоже не остановишь.

- Реактор в норме. Установка в норме. Гамма-кривая растет расчетно. Шестьдесят три процента мощности.

Гул теперь напоминал рев двигателя самолета, готового пробежать по взлетной полосе и унести куда-нибудь к морю человек триста.

- Шестьдесят девять процентов, – повысив голос, чтобы перекричать гудение, сообщила Ираида.

От камеры с животными слышался тихий треск, словно рвалась ткань. Вольтарян привстал, не отрывая взгляда от монитора.

- Непонятно, – сказал он. – Показатели в пределах...

Помещение тряхнуло. Несильно, но заметно, как бывает при небольшом землетрясении, балла в три-четыре.

- Что за?.. – поинтересовался полковник, но не договорил.

Ровное, хотя и громкое гудение перешло в настоящий вой – истошный собачий лай раздался, как всем показалось, прямо в зале управления. Вольтарян вскочил и, не обращая внимания на крики профессора, рванулся к двери приемной камеры трансформатора.

– Капитан Вольтарян! Отставить! – заорал полковник, легко перекрыв командным голосом гул и крики, но и его ученый не послушался, рывком открыв дверцу и бросившись в работающую установку.

– Дебил, – негромко сказала Ираида. Почти шепотом, но почему-то ее услышали все. Шамаев молча кивнул бритой головой.

– Выключайте питание! Выключайте! – скомандовал полковник. – Человек в опасности!

– S-трансформатор потом прогревать сутки, – зло откликнулась женщина. – Зачем этот дурак туда полез?

Эдик появился на пороге камеры, волоча совершенно обезумевших собак. Непонятно даже, как он удерживал за ошейники четырех взрослых овчарок, но ему это удалось. От зверей и переброшенной через плечо связки из трех клеток с птицами волочились оборванные провода с датчиками. Не обращая внимания на гвалт, Вольтарян ринулся через зал. Но не к двери, ведущей в питомник, как подумал прикрывший ее безопасник, а напрямую к лифту на верхний уровень.

Лаборант Кнутов обернулся к Ираиде, взглядом спрашивая: вмешаться? Женщина молча покачала головой.

Дорченко попытался было остановить выглядевшего совершенно безумно ученого, но его тут же укусила одна из овчарок. Безопасник с криком отшатнулся, нащупывая на пустом поясе кобуру, но оружия не было. Ни у него, ни у кого-то еще – полковник заранее распорядился не заходить с ним в зал управления.

– Наверху задержат, – сказал Васильев, провожая взглядом захлопнувшиеся створки лифта. – Совсем он спятил на своем зверье, гуманист херов.

Помещение еще раз качнуло, мягко, но заметно, словно оно находилось не в земной толще, а в трюме огромного корабля.

– Семьдесят пять процентов мощности, – как ни в чем не бывало сообщила Ираида. – Реактор в норме, установка в норме. А-трансформатор готов к работе. Внимание! Гамма-кривая растет по экспоненте.

– Давайте проведем эксперимент с человеком, не выключать же... – предложил профессор Веденеев. Он дрожал от нетерпения, как охотничья собака на поводке: запах добычи уже есть, а хозяин не пускает, держит.

Шамаев посмотрел на него чуть насмешливо и размашисто, напоказ, перекрестился:

– Николай Петрович, вам спятившего Эдика мало?

Полковник, давно уже вскочивший, толкнул Дорченко к двери в отсеки:

– На лестницу! Руку замотай и догони мне этого придурка! Полномочия код «Сирена», наверху скажешь, помогут.

Профессор пожал плечами. Его дело – чистая наука, а не все эти люди. Военные, сумасшедшие, всякие. Иногда ему казалось, что лучше бы никого из них вообще не было.

– Кнутов, вы готовы? – уточнил он.

Тот кивнул и пошел к камере А-трансформатора. Его участие тоже отрепетировали не раз, лишних вопросов не было. Да вообще никаких не было.

Кнутов потянул на себя тяжеленную дверь и вошел в камеру. Многочисленные стеклянные шары, увесистые, надежные на вид, наполняли сферическое помещение, полностью закрывая стены и пол и оставляя место только для кресла испытателя. Тысячи шаров. Десятки тысяч – камера вмещала их без проблем. Шары светились, но не ровно, как лампы, нет. Каждый из них содержал внутри маленькую ветвистую молнию, то возникавшую, то почти гаснущую. Красные, синие и ярко-белые отсветы делали камеру похожей на причудливый

аттракцион. Маленькие сферы внутри большой жили своей жизнью, будто призывая присоединиться.

Пытались рассказать о чем-то, неживые, но важные для живых.

Кнутов сел в кресло, положив руки и ноги точно на захваты, немедля зафиксировавшие конечности.

Дверь мягко щелкнула, запираясь по команде с пульта.

– Готов, – сообщил Кнутов. В никуда, шарам. Но он знал, что его прекрасно слышно и в зале: микрофоны настроены на малейший шепот.

Шары вспыхнули нестерпимо ярко, сливаясь молниями, выпуская их наружу. В голове Кнутова вспыхнуло маленькое рукотворное солнце, он сам стал этим солнцем и увидел, услышал, почувствовал все вокруг. Вообще все.

Он перестал быть человеком, он стал облаками над землей, людьми вокруг и дальше, дальше... Он стал морем, до которого так и не доехал полковник, стал песком и ветром. Кнутов видел теперь прошлое и будущее, и этот поток информации, эта лавина, сел данных смыл его сознание напрочь.

Сорвал все поставленные природой пломбы, вытащил мозг и подключил к неизмеримо большему разуму совершенно неожиданным образом.

Если бы не этот удар, он бы смог увидеть, как Вольтарян, вышедший из лифта на верхнем уровне лаборатории, истошно кричит, закатывая глаза и оскалив пасть не хуже своих любимых овчарок. Слюна, даже пена срывается с искаженных воплем губ.

Потом он убивает не ожидавших нападения караульных – сам, голыми руками сворачивая шеи и натравливая собак, тоже спятивших и превратившихся в источник злости и агрессии.

Как сумасшедший, ученый со слезами на глазах открывает дверцы клеток и бережно вынимает трупы погибших попугаев и голубей. Складывает их на полу под безумными взглядами собак и пристальным и, кажется, вполне

разумным вниманием выживших сов. Пары, самца и самки, ДНК которых превратилось теперь черти во что.

Как Дорченко, размахивая прихваченным из оружейки коротким автоматом, врывается в караульную и тоже гибнет: четыре собаки есть четыре собаки, а у него и так болела прокушенная рука, мешая перехватить оружие. Про код «Сирена» и сказать-то было уже некому.

Как Вольтарян взламывает дверь в склад с резервными блоками для установки, деталями и оружием, окидывает взглядом стеллаж с запасными шарами для А-трансформатора и забирает почему-то оттуда самое бессмысленное, в его состоянии напрочь не нужное – источник радиоактивного излучения. Запасной блок. Зачем он ему понадобился? Боги ведают, что вообще происходило теперь в его голове.

Как разбегаются собаки, облизывая окровавленные пасти, и улетают, сделав над головой несчастного ученого круг, совы. И как сам Эдик Вольтарян, зажав под мышкой железный ящик с надписью ВСЛБЭ, идет по субботнему Воронежу, повторяя за недавно умершим от его рук солдатом:

– Нужна помощь. Прорыв периметра. Лаборатория в опасности... Нужны патроны. Нужна помощь.

Никуда не спешащие, нарядные по случаю выходного дня люди сторонились его, шарахались в стороны, как это и бывает при встрече с сумасшедшим, перемазанным кровью человеком. Даже вызывали полицию с мобильных. Пытались вызвать – сеть почему-то была недоступна у всех, а привычные каждому коробочки в карманах превратились в то, чем и были изначально, – пластиковое говно.

Фекалии умирающей цивилизации, которая еще не знала о своей скорой гибели. Отрыжка города, с южной стороны которого скоро вспыхнет маленькое, не предусмотренное природой солнце. Ненадолго, но всерьез.

Всего этого Кнутов не видел, хотя и мог бы. Просто ему было вовсе не до того: он увидел будущее, им была смерть. Гибель не просто лаборатории, города или страны – общая катастрофа. То, после чего не будет уже никакого будущего. Черный День.

2. Возле старого самолета

Город заглядывал в сани. Присматривался. Слепыми окнами следил за людьми через борта, расплывался за мерцающим диском пропеллера.

Страшно выглядел Воронеж в ноябре тридцать пятого года. Мертвые дома, в которых никто не жил десятилетиями. Заснеженные улицы, сквозь сугробы которых проглядывали где ржавые остовы машин, где кусты, пробившиеся через асфальт, а где – и чьи-то мертвые тела.

Страшно здесь было и очень холодно.

Дюкер высунул голову наружу, сплюнул за борт, не обращая внимания на охрану:

– Приехали, боец... Сейчас нас пустят на мясо. Развязали хоть по дороге, уже спасибо. Иначе бы ни рукой, ни ногой шевельнуть. А так – бодрячком сдохнем.

Шутит? А кто его знает.

Кат лежал неподвижно, глядя вверх. Свинец неба подернулся снежной рябью, размазался. Глаза бы его не видели, но куда еще смотреть – на порчей, внимательно наблюдающих за дорогой? На Дюкера, кажется, вполне довольного любой участью? На винт позади саней?

Да будь что будет.

Пока было просто плохо: голова раскалывалась от боли, спазмы выворачивали наизнанку. Трясло от холода, но одновременно было жарко.

– Ты здесь-то не блюй! – проворчал Дюкер, наблюдая за ним. – Все вымажемся.

Порч, охранявший пленников, промолчал, но как-то подобрался, чтобы успеть увернуться, если Кат все же не выдержит.

Сани заскрипели, объезжая застывший посреди дороги троллейбус с выбитыми стеклами и печально торчавшими в стороны усами токоприемников. Мимо механического завода – точнее сказать, его заводоуправления – проехали с опаской: здешнее убежище, несмотря на давние войны с соседями, оставалось многолюдным.

Порчи вертели головами, высматривая опасность, но пока все было спокойно.

Улица уперлась в круговой перекресток, в самом центре которого, вознесенный на пьедестал, уже лет шестьдесят скучал МиГ-21. Бортовой номер «сто» скорее угадывался, чем читался. У самолета отлетела со временем часть кабины, упала и заросла грязью. Крылья обвисли, но когда-то боевая машина до сих пор внушала уважение.

Несмотря ни на что.

– И где оно, ваше Гнездо? – спросил Кат у охранника.

– Скоро приедем. Вы раньше бывали рядом, просто войти не смогли.

Вздыхнув, сталкер зацепился рукой за борт и заставил себя сесть. Стало еще хуже, голова кружилась, но сдаваться он не привык. Ни врагам, ни внезапно подводящему телу. Никому. Свободной рукой ощупал ногу – да, непонятные наросты увеличились и стали плотнее. Срань господня...

Сани свернули направо, но потом резко затормозили. Пропеллер за спинами противно заскрежетал и смолк.

Улицу перегородил странный черный грузовик, точнее фургон. Массивный, покрытый листами металла, между которыми оставались узкие бойницы. Кабина, превращенная в бронированный куб, почти уткнулась в столб. В глаза бросались толстые, обмотанные цепями колеса. Серьезный аппарат, на таком без дела никто ездить не станет.

– Кавалерия с холмов, – непонятно произнес Дюкер и широко улыбнулся. Редкие зубы его, в пятнах кариеса, выглядели мерзко.

Порчи напряженно смотрели на препятствие, но молчали. Было ощущение, что они не просто думают, а совещаются, только беззвучно. Мысленно.

Что же это за твари такие?!

Кат присмотрелся к броневнику. Да, стволов пять-шесть видно. Если порчи не идиоты, пора сдаваться неведомому противнику, иначе покрошат прямо здесь. Не отходя от кассы.

Слева, от улицы, уходившей к бывшей больнице «Скорой помощи», послышался гул двигателя. Второй грузовик показался в отдалении, но подъезжать ближе не стал. В отличие от собрата, на нем виднелся защищенный колпаком пулемет, установленный прямо на кабине. Зловещий металлический нарост с ядовитым жалом ствола.

Обстановка была под полным контролем.

Кат, отогнав подальше мутное ощущение внутри, напряженно думал. С одной стороны, враг твоего врага – твой друг. А с другой... Если бронированные грузовики сделаны на Базе-2 и внутри бойцы Старцева – ему не поздоровится. Был же уговор, что в Воронеже сталкеру делать нечего – черт знает, что приказал начальник. Может, расстрелять при первой возможности, с него станется.

– А пойду-ка я прогуляюсь, – неожиданно сказал Дюкер и выпрыгнул из саней.

Охранявший пленников порч вскинул было автомат, но сразу опустил – стволы в прорезях на борту ближнего броневика шевельнулись. Выстрелов не было, но и так понятно – любая провокация плохо кончится. Для саней и тех, кто в них сидит.

Кат подтянул к себе рюкзак и с трудом, но просунул руки в лямки, закидывая тощий мешок себе за спину. Ему никто не мешал, не останавливал. Порчи молчали, чего-то ожидая.

Спокойные ребята, все бы так себя вели.

Снег стал гуще. Настоящая метель, как будто без нее было бы скучно. Тишину нарушали неторопливые шаги Дюкера, идущего к броневнику, и пыхтение двигателя второй боевой машины. Над развалинами пятиэтажек, стоявших не у дороги, а в глубине палисадников, и с крыши высотки на углу поднялись черные кляксы. Птицы или летучие мыши? Да и не важно, лишь бы не нападали.

Кат тоже вылез из саней. Тяжело дыша, сглатывая слюну и совсем не так элегантно, как Дюкер, но выбрался. Из многочисленных прорех рваного пуховика вылетали клочья набивки, смешиваясь со снегом. Мгновение – и не отличить, где что.

Сталкеру эта странная встреча напомнила фильм, когда-то в детстве виденный на Базе-2 во время учебы. Цветное кино, снятое незадолго до Черного Дня, но сцена была такой же по расцветке. Даже не черно-белой, скорее – светло-серой. С вкраплениями черного.

Ярким цветам здесь не место.

Дюкер почти дошел до кабины грузовика, оставалось сделать десяток шагов. Может, полтора. Он даже помахал рукой одному ему видимому человеку – то ли за рулем, то ли рядом, – как вдруг поднял голову и отшатнулся. Побежал назад.

Увидел или только услышал далекий протяжный свист? Кат не успел понять, но увидев, что хозяин секретного склада рывком метнулся в сторону и упал, закрывая голову руками, сделал примерно то же самое. Не рассуждая.

Рассуждать – потом, если выживешь.

Свист закончился громким всхлипом. Ударом гигантского молотка в кабину грузовика откуда-то с противоположной от зрителей стороны. Сперва полыхнуло пламя, яркое на фоне окружающей серости, оранжево-алое. От кабины во все стороны полетели искореженные куски металла – детали машины и навесные листы смешались в причудливом последнем танце. Над головой Ката просвистел осколок. Потом поднялись клубы черного дыма от развороченного двигателя: едкие, удушливые даже на расстоянии.

В грохоте взрыва, раскрывшего кабину изнутри подобно страшному цветку, попадание второй гранаты никто даже не услышал. Просто полыхнуло еще раз, кузов подскочил и его разорвало пополам так, что одно из обмотанных цепью колес отлетело в сторону, а вся конструкция криво осела на землю.

Боги знают, кто так энергично вмешался, но одной из машин больше не существовало. Кажется, из кузова кто-то успел выстрелить, уже мертвые пальцы нажали на спуск, но только как последний салют. Над собственной могилой.

- Кат, - крикнул, не поднимаясь, Дюкер. - Ты ж местный! Куда нам сваливать?

Аэросани, на которые никто не обращал внимания в горячке боя - пулемет со второго броневика садил короткими звучными очередями куда-то в сторону, - завелись, развернулись на пяточке и виляя, чтобы не поймать шальную пулю, помчались назад, откуда приехали.

Порчи предпочли отступить.

- Сюда ползи, - буркнул Кат. Поднялся на локтях, и его все-таки стошнило. Чертов организм решил пойти вразнос в самый неподходящий момент. Хотя... А когда они бывают подходящими? Вроде не испачкался - и ладно. Пятно на снегу было с алыми прожилками крови, что совсем уж плохо.

Дюкер, смешно оттопырив зад, подполз ближе.

- Там, в машине, мои ребята были... - хмуро сказал он. - Семь человек, если штатный состав.

От сгоревшего грузовика стлались по земле клубы черного дыма, хорошо хоть немного в сторону, иначе бы задохнулись двое лежащих людей - совершенно разных, но сунутых судьбой не глядя в один мешок с голодными крысами.

- И второй броневик - твой?

- Ну да.

Кат посмотрел в сторону целой машины. Ближе подъезжать опасаются, боятся невидимого гранатометчика. Постреливают, но не убегают.

– Дюкер, давай начистоту: что здесь происходит?

– Порчи захватили нас, мои гвардейцы хотели отбить. А вот кто стрелял – не знаю. Город большой, народу до хера. Тебе виднее должно быть. Но я б их, сук, нашел...

Второй броневик отъехал немного назад, чтобы в него точно никто не попал. Из кузова высыпали четверо с оружием, но сразу залегли. Дураков нет бегать под неведомо чьим огнем с криками: «Где ты, шеф?»

Ученые жизни ребята, это хорошо.

– Не пойдут мужики сюда, опасно. Самим надо выбираться, – с сомнением сказал Дюкер, глядя на бледного, тяжело дышавшего Ката. Потом бросил взгляд на пятно на снегу. – Тебя тащить придется.

– Вот еще! – вскинулся Кат. Загреб горсть снега и сунул в рот, стараясь избавиться от навязчивого кислого привкуса. – Сам пойду. Есть одна нора недалеко, схроном не назвать, запасов мало. Но есть.

Снег обжигал рот, скатываясь каплями в сведенное спазмом горло.

За догорающими остатками грузовика появились фигуры людей в форме и до боли знакомых Кату черных шлемах.

– Ага... Спецпура это, военные с Базы, певец. Хрен только знает, что они здесь забыли.

Дюкер присмотрелся к пока далекой, но надвигающейся угрозе. Нехорошо так прищурился, словно запоминая, как нынче враг выглядит.

– И много их здесь?

– На Базе хватает, а сколько тут – кто же знает. Мне им попадаться тоже ни к чему. Скорее тебя потом отпустят, чем меня. Свои счеты.

Цепочка спецназа, грамотно прячась за остовами машин, лежащими столбами и грудями мусора, неуклонно приближалась. Вон и гранатометчик. Нет, двое!

Второй броневик тоже их заметил, огрызнулся очередью из пулемета и покатил назад, оставив бойцов лежать на позиции. Успеют прикрыть отход, нет – кто знает. Переменчиво военное счастье.

Кат пожал плечами. Ни одна из сторон – не его. Дюкеру он не подчиняется, раз уж так все сложилось, да и к военным попадать нельзя.

– Давай-ка аккуратно назад, ползком, за углом встаем и перебежками к «полтиннику», – сказал сталкер.

– Куда перебежками?! – не понял Дюкер, оглядываясь.

– Ты ж воронежский – и не знаешь?

– Какой там! Я с Алтая сам. Городок такой есть, Камень-на-Оби. Или уже был... Перед Черным Днем перевели служить к вам, да и то в область.

– Здание видишь? – вздохнул Кат. – Вон то, с панорамными окнами... Хм, с провалами по второму этажу? Дворец культуры был когда-то. Имени пятидесятилетия Октября. В народе – «полтинник».

– Ага... И чего там?

– Подвалы там, певец. Хорошие глубокие подвалы.

* * *

Когда они наконец пробрались в схрон, Кат подумал, что сейчас умрет. Ляжет – и все. Прямо здесь, на досках, брошенных им же на бетон когда-то в прошлой жизни. В холоде узкого длинного пенала, по потолку которого тянулись ржавые

трубы, которых сейчас и видно-то не было.

- Место неплохое, - одобрил Дюкер. - Еще бы пожрать.

- Консервы... - откликнулся сталкер, почти упав на самодельную лежанку. Не его район, не центральные кварталы, припасов морт наплакал, а эта тварь бедна на слезы. - Коптилка и зажигалка там, в углу. Зажги, темно же.

Уйдя с поверхности и нырнув в неприметный провал в стене, они пробирались на ощупь. Здесь, увы, ни фонарика, ни факела запасено не было. Только так, рукой держась за стену, отсчитывая одному Кату ведомые повороты, пригибаясь под низкими притоками.

Дюкер, тихо матерясь и сшибая на пол невидимые в темноте железяки, нашел и зажег лампу.

- Пить будешь? - обернулся он с фляжкой в руке.

Запасливый... Кат бы отказался по обычной привычке не принимать помощь, но очень уж было хреново. До предела.

- Давай, - ответил он.

Губы пересохли и потрескались. Вода, пахнувшая ржавчиной и болотом, упала внутрь не лучше снега. Обдирая и мучая вместо привычного утоления жажды. Кранты, похоже, сталкеру Кату. Амба.

Полный пиздец.

- Где, говоришь, консервы? - забирая фляжку, уточнил Дюкер.

Похоже, одному выбираться и своих искать, не жилец этот парень. А жаль, боец был хороший. Пригодился бы.

Кат замычал что-то и махнул рукой в угол.

– В ящике? Да ты лежи, лежи... Отыщу.

Дюкер покопался в небогатом наборе из пары банок тушенки, стопки стаканов, запыленной бутылки чего-то алкогольного, тряпок, ножа и тарелки. Зацепил одну из банок – вторая то ли вздулась, то ли помяла ее неудачно. Подозрительная на вид.

Кат вглядывался в еле освещенную каморку, слышал чавканье Дюкера, но ему казалось, что откуда-то издалека к нему обращается Книжник.

«Совсем плохо, Сашка? Ах да, прости, Кат... Катализатор. Катастрофа. Палач и жертва. Так и сдохнешь здесь, без смысла и толка?»

Голоса слышно не было, даже сам сталкер это понимал. Тихо в подвале. Но вот слышит же Макса, хоть убей – слышит. Или это предсмертные глюки, с покойниками разговаривать?

– Ты здесь? – спросил Кат.

– А? – обернулся Дюкер, облизывая нож, которым выуживал жирные куски свинины из банки. – Да здесь, здесь! Не переживай. Отлежись пока.

Сталкер промолчал: точно, глюки. Но голос Книжника напомнил о том, что мелькнуло в голове чуть раньше. Долг? Скорее – упертость. Впрочем, можно по-разному назвать, смысл один.

Кат с трудом привстал, поднялся на колени, а потом, вцепившись пальцами в стену, заставил себя встать, сопровождаемый удивленным взглядом спутника. Дюкер даже жевать перестал, но хоть помалкивал – уже спасибо.

– Слушай, Трубников... – с трудом облизав горячие воспаленные губы, сказал сталкер. – Ты сидишь здесь. Сутки. Я бойцов Базы знаю, нас заметили – найдут. Все перевернут, а найдут.

Он отдышался и сплюнул.

– Я им сам сдамся. Авось, не расстреляют. А про тебя скажу – ушел в развалины, на Колесниченко, а она улица длинная. Пусть ищут...

– А тебе это зачем? – очень спокойно поинтересовался Дюкер. – Смерти ищешь?

– Может, и смерти. Как боги дадут. Человек ты – говно, но даже такого выручать надо. Если получится.

Длинная речь утомила Ката. Пол под ногами пошатывался, гулял, как дно судна. Голова кружилась сильнее.

– Как знаешь... – ответил бензиновый король в изгнании. И сунул в рот очередной кусок мяса. – Типа благодарен тебе, раз так. В натуре.

Кат медленно, стараясь не биться об углы, побрел к выходу из каморки. В дрожащем свете коптилки его силуэт с так и не снятым со спины рюкзаком качался и представал то горбатым карликом, то несуразно вытянутым в длину великаном, согнутым на один бок. Как он добрался до выхода из подвалов – знают только боги, да еще крысы, если они здесь выжили, конечно.

Холодный воздух пахнул в лицо, немного привел в чувство. Кат вытер пот с лица, липкий, ледяной, и пошел вперед, огибая самолет на постаменте, прямо к месту недавнего боя.

Грузовик почти догорел, теперь в развороченной кабине были видны два скрюченных тела. Второй машины и след простыл, зато на снегу виднелись погибшие – двое. Нет, вот третий. Пятна крови повсюду, но бойцов Базы не видно.

Своих они забрали с собой – это то немногое, что Кату по-настоящему нравилось в профессиональных военных. Не бросать. Ни за что.

Даже мертвых, и особенно – мертвых.

Мысли скакали в голове, с хрустом сталкиваясь, как льдины на Битюге. Был бы здесь Леший, эх. И Винни. Можно было бы сыграть в войну с миром вокруг.

Сзади слышался звук мотора, жужжание, привычное по долгой поездке от Колизея, но Кат даже не оглянулся. Порчи? Пусть будут порчи. Один черт, снова прятаться сил не было.

Да и жить сил уже не было.

Он попытался сделать еще один шаг, но ноги подогнулись: сталкер упал на колени. Потом качнулся и мягко завалился на бок.

Один из порчей, прыгнув из саней, подхватил его безвольное тело под мышки и перебросил через борт. Второй поймал, уложил на дно и вернулся к штурвалу. Молча, быстро и не обсуждая ничего. Слаженные действия рабочих муравьев.

По крайней мере, Лешему показалось именно так. Ни верной винтовки, ставшей грудой поломанных деталей далеко отсюда, ни даже ножа; боец Дюкера и одет-то был во что попало, даже без привычных очков. Бежать с голыми руками на этих слишком уж подвижных ребят было глупо, а превратиться в боевого кота, как там, на берегу, сейчас не получалось: регенерация после смертельных для любого другого ран занимала слишком много времени.

Зря хотя бы автомат у друзей не прихватил, но... Да с такого расстояния и не сделаешь ничего автоматом.

Леший проводил взглядом рванувшие направо от самолета сани и повел носом. Запахи. Его страсть. Его стихия, несмотря на ощутимую гарь от грузовика друзей. Смесь горелой резины, металла и человеческих тел.

– Дюкер-то где? – спросил он у пустой улицы. – С Катом ясно, потом отобьем, а вот командир куда делся?

Он пошел назад, но не за санями, понятное дело, а по следу сталкера, ища, откуда тот появился. Перекресток. Большое полукруглое здание. Провал. Оттуда?

Возле провала Леший почуял тонкий отголосок запаха командира. Больше сомнений не было, а что темно там, под землей, так это его с детства не волновало.

Шипя от нетерпения и оскалив излишне острые для человека зубы, Леший нырнул вниз. Понятное дело, что тушенки, которую жрал Дюкер, ему не хватило, но зато досталась вторая банка. И сам командир, радующий здоровым видом, правда, весьма задумчивый и – что редко бывает, – кажется, грустящий о чем-то.

Молча отсалютовал открытой бутылкой, мол, рад видеть – да и все. Припал к горлышку, пока дно не показалось.

То, что они отсиделись под землей, их и спасло.

Рыскавшие по округе патрули спецназа Базы, злые как черти из-за гибели четверых бойцов, стреляли во все, что движется. Особенно их опечалили промчавшиеся по Космонавтов аэросани, но дистанция для стрельбы была предельная.

Стреляли – разумеется, стреляли. Это же инстинкт у хорошего охотника, а сюда База послала лучших. Но не попали.

А гранатометчики со своими адскими машинками остались там, у самолета. Один мертвый, второй в сознании, но требующий экстренной помощи.

По следам саней, быстро заметаемых разыгравшейся метелью, пришлось бежать до Круга-в-круге. Там след обрывался, а идти внутрь... Это еще ни у кого не выходило последние двадцать с гаком лет.

Острая головная боль, до потери сознания, если не остановиться – дело такое.

Патруль встал в воротах на границе странной аномалии и со злости обстрелял территорию бывшего керамического завода. Из чего только мог обстрелял, но никакого ответа не получил.

Молчание царило над этим местом. Гробовое.

Хотя Кат был уже там, внутри.

3. Гнездо изнутри

Неподалеку пищал некий прибор.

Бип. Бип. Би-и-ип. Звук был незнакомый, неживой, еле различимый – жужжание картонной мухи на нарисованной стене. Биение кварцевого сердца.

Кат открыл глаза, поморгал; голова трещала, как после хорошей пьянки, но мутило меньше, чем раньше. Сказать, что хорошо чувствует – соврать, но и не при смерти. Судя по бетонным стенам, серым как воронежское небо, он в каком-то убежище. Лампы дневного света на потолке, тусклые пыльные трубки, но несомненно – электрические.

Вот это сюрприз! Такое может быть на Базе-2.

Последнее, что он помнил, это как выбрался из подвала «полтинника», меняя свою свободу, а то и жизнь, на Дюкера. Пошел мимо самолета, а потом...

А что потом? Все – провал.

Сколько он был без сознания? Куда попал? К кому?! Неужели действительно База...

Он попытался привстать, поморщился. Из попытки ровным счетом ничего не вышло, что-то держало его на кровати. Кат дернул головой, пошевелил ногами. Так, да это же ремни. И тонкие трубки капельниц в обеих руках, уходившие не вверх – как когда-то в медблоке Базы, а в стороны и назад, за голову.

Больница? Странно... Где в разрушенном мире осталась такая медицина и чем именно он заслужил оказаться здесь?

Сплошные вопросы. Все вокруг состояло из знаков, он словно наяву видел их – изогнутые крючки с точками снизу. Рыболовная сеть перед глазами. Не окончательный приговор, да и ладно, а на вопросы будут ответы.

Позже. Наверное. Когда-нибудь.

Потом в приоткрытую дверь зашли двое порчей – в своих любимых комбинезонах с широкими ремнями, не спутаешь. Картинка медленно стала проясняться: не База. Хорошо это или не очень?

Забавно, но одним из порчей была девушка, совсем молодая, на пару лет старше самого Ката. До сих пор все встреченные были мужиками.

Она наклонилась над сталкером, уставилась ему в глаза, изучая рефлекс:

– В сознании.

– Отключаем, надо везти вниз, – откликнулся второй порч. – Капельницы оставим.

Если говорят вслух, значит, речь идет о нем. Специально озвучивают – чтобы не дергался, наверное, хотя и так особо не пошевелиться.

Кат решил, что его будут поднимать с постели, но ошибся. Девушка обошла кровать и щелкнула парой переключателей. Назойливый писк прекратился.

– Катим! – сказал мужчина и потянул лежанку на себя.

Сталкер понял, что каталка, к которой он был привязан, на колесиках. Он плавно поплыл к выходу, причем посреди комнаты его развернули, старая примета – вперед ногами только покойников.

А он еще жив. Сам удивлен, но факт бетонный. Как стены и потолок этой клиники.

Теперь он смог рассмотреть аппарат, издававший писк: что-то массивное, квадратное и медицинское, нет сомнений. Монитор, лампочки, связка проводов до пола. Все подключено к питанию, судя по игре красных и зеленых огоньков на панели.

– Богато живете... – пробормотал он. Ответа не было, но он и не надеялся.

Каталка простучала колесами по порожку в дверях, проехала еще метров пять, ведомая двумя парами рук, и остановилась. Что-то проскрежетало и его завезли... в лифт? Великие боги! Точно, он. Впервые в жизни поедет на лифте. Сколько их видел – и в домах, и на Базе-1 тогда, но все мертвые, ездить и не доводилось.

На родной базе были только грузовые подъемники – похоже на лифты, да не то.

Тоже лампы в потолке, но совсем тусклые. На стене кнопки, красным светится вторая сверху, а под ней еще их штук шесть, но эти не горят. Створки захлопнулись, и они – двое хозяев и невольный гость – рухнули куда-то вниз. Ощущение было не то чтобы неприятным – просто неожиданным, как прыжок в никуда. Причем лежа.

Лифт остановился, заметно вздрогнув. Створки открылись, и Ката деловито выкатили наружу. Здесь коридора не было. Лифт открывался напрямую в немалых размеров зал, плохо освещенный из-за перегоревших местами ламп, которые никто не менял: то ли нет их больше, то ли не придают им значения хозяйева.

Здоровенный, полукругом, пульт с кучей кнопок и экранчиков, ряд мониторов, пустые кресла. Похоже на фантастический фильм из тех, что снимали предки. Рубка звездолета «Все летит к черту», пятисотая серия последнего сезона. Пара толстенных дверей по углам с подслеповатыми смотровыми окнами и футуристического вида решетки вентиляции в потолке только усиливали эффект. Вентиляция работала, от тяги воздуха покачивались тонкие полоски ткани на серединах решеток. Иногда в глубинах труб что-то похрустывало, намекая на необходимость ремонта.

– Отстегните его, – хрипло сказал кто-то.

Кат бы поклялся, что голос женский, но... Звучит как клекот сова. Если это и женщина, то жизнь ее крепко потрепала.

Девушка-порч аккуратно вытащила капельницы, сперва из левой руки Ката, потом из правой, не забывая сильно прижимать вены и заклеивать ранки пластырями с остро пахнущими спиртовыми тампонами. Потом отсоединила

ремни.

- Не спи - замерзнешь, - каркнул тот же голос. - Вставай!

Кат напрягся и, плюнув на мелькавшие перед глазами черные снежинки, свесил ноги на пол. Вдохнул и сел на каталке.

Да уж... Он угадал.

Жизнь прошла по женщине танковой атакой. Мало того что вся седая, так еще на инвалидном кресле с большими колесами. Кат видел подобные пару раз во время поисков товара. Брат не стал - ему и в голову бы не пришло, что кто-то сможет прожить достаточно долго, чтобы воспользоваться эдаким агрегатом. Женщина - а, скорее, старуха - смогла.

- Добро пожаловать в Гнездо, - махнула пухлой рукой женщина.

Она вся была какая-то толстая, бесформенная, с массивной головой, посаженной, кажется, без шеи прямо на плечи.

- Заждались мы тебя, парень. Сам скоро поймешь насколько.

На сером халате, в который она была одета, красной полоской блестела вышивка «30 СС». Цифры и буквы. Имя это? Звание? Вообще - модель?!

Кат почему-то подумал: а не роботы ли они, порчи, на самом деле. Отряд инопланетных захватчиков с кремниевыми мозгами. Поведение на первый взгляд человеческое, а вот на второй...

- Что это за место? - выдавил он. Голос звучал хрипло, но говорить можно. Если не орать, конечно.

- Официально и до войны? Воронежская специальная лаборатория биоэнергетики. Имени Николы Теслы, это профессор настоял когда-то, в правительстве даже пробил. А с Черного Дня и навсегда далее - Гнездо. И ты - его новый питомец.

– Откуда такая уверенность? – огрызнулся Кат. Непонятно почему, но старуха ему активно не нравилась. Было в ней что-то гнусное.

– Да ты сдохнешь иначе! – едко ответила она. – Следующий этап – опухоли на горле, в голове, а там и кирдык. Наши врачи тебя осмотрели, пока ты сопли пузырями пускал без сознания. Месяц. Может, полтора. И сталкер Волков с модным погонялом Кат – все. Уйдет к богам.

Неприятно. Хотя, возможно, она врет. Кат изначально был настроен невесело по поводу болезни, но и верить с ходу... Нет уж.

– И чем вы мне тут поможете?

– Мы? – старуха наклонила голову, став похожа на нахохлившуюся птицу. Крючковатый нос почти уперся в грудь. – Не месяц и не полтора, а годы. Или десятки лет, там увидим. Слава Гнезду, возможностей у нас масса.

Кат начал прикидывать. С этой «тридцать эсэс» он справится запросто, даже в своем кислом состоянии. Двое порчей, молча замерших за спиной у лифта, напрягали, но – если у старухи есть оружие и он успеет его забрать...

– Зря ты так думаешь, – словно прочитав мысли, каркнула толстуха. – Не успеешь без оружия. Да и некуда тебе бежать, Кат. Некуда. Если только мстить.

– Это ты сейчас о чем? – тихо уточнил сталкер.

– О жене твоей. О Филе. Видишь ли, юный вдовец, князь ее казнил. Тихонько так удавили в камере, да и все.

Кат моментально оказался возле старухи, но ее там уже не было – ловко крутанув руками колеса, она оказалась парой метров левее, а его самого сжимали за руки порчи. И хватка девушки, кстати, не уступала мужской. Не вырваться.

– На меня-то зачем бросаться?! – искренне удивилась женщина. Эмоции у нее были тусклые, как у всех порчей, но сейчас проявились. – Я ж не придурок Серафим. Его встретишь – тогда и мсти.

– Это что, правда?

– Ну да. Наши соболезнования и так далее. Уже похоронили. Но мы сейчас не о мертвых девушках с татуировками, а о твоём будущем. Лично твоём. Персонально, парень.

Кат обмяк, почти повис на руках у своих охранников. Всплеск ярости отнял последние силы, хотелось снова лечь на уютную каталку и ни о чём не думать.

И ни о ком.

– Мне нужно в Бобров...

– Съездишь. Я тебе дам потом транспорт и боевую группу. Сможешь из князя ремней нарезать, нам не жалко. Да отпустите его, он понял ошибку!

Железная хватка с обеих сторон разжалась, и он едва не упал. Покачнулся и плюхнулся в ближайшее кресло, подвернувшееся у пульта.

– Как тебя зовут? – поинтересовался Кат у старухи.

– У нас нет больше имен. Мы – это Гнездо...

– ...а Гнездо – это мы, – слаженно ответили двое остальных порчей.

И не поспоришь. В каждой избушке свои побрякушки. Если про Филю – правда, то...

Кату мучительно захотелось выпить. Много. Очень много. Нарезаться до поросычьего визга, на зависть свинофермам викингов. А потом взять оружие и мстить до последнего патрона. Сжечь на хер этот Бобров вместе с теремом, князем, со всей этой мерзкой кодлой – дружинниками, советниками, уничтожить все. И засыпать пустое место солью, как предки делали. Чтобы ни одна травинка не вылезла.

А потом и сдохнуть не жалко, когда дело сделает. Можно прямо там и умереть.

- Мне надо подумать... Насчет того, чтобы присоединиться к вам.

- Да на здоровье, - откликнулась внимательно изучавшая его лицо старуха. - Посиди в камере, подумай. Уж месяц мы тебя прокормим, не разоримся. Но на свободу тебя не выпустим при любом раскладе. Только питомцем Гнезда.

- А на кой черт я вам? - устало спросил Кат. Голова опять кружилась, пустой желудок то выдавал спазмы, то опускался куда-то, сминая такие же незаполненные кишки.

- Это долгая история, парень. Нужен. Вот не скрою - очень нужен. Сфера указала на тебя, а мы лишь исполняем общую волю.

- Можно попроще?

- Проще? Вколите ему что-нибудь, опять плывет пациент. А у нас беседа небыстрая будет.

Через рукав в предплечье впилась игла. Какие же они быстрые, твари, он даже движения не заметил, а девушка уже шприц выдернула. Конечно, он не в лучшей форме, но все равно. Иди их побеждай, таких.

Да и стоит ли?

- Да, а чего военные из Базы на улицы вышли? - спросил Кат. - Тем более в ваши края. Вроде редко сюда суются.

- Да черт их знает. Они нам пока что не друзья и не враги. Хотя сегодня помогли от души, покروшив бойцов твоего бензинового приятеля.

- А Дюкер тоже у вас?

- Нет. Вообще не знаем, где он. Так себе добыча, убежал, и ладно. Умер - тоже не проблема, до склада когда-нибудь доберемся и сами. Нам ты нужен.

Кат молчал, ожидая продолжения.

– Прямо перед Черным Днем здесь, в Гнезде... в лаборатории провели ряд экспериментов. Часть закончилась неудачно, но были и открытия. Интереснейшие открытия, жаль, профессор не дожил.

Старуха замолчала. Кат тоже ничего не спрашивал, наслаждаясь отступившей тошнотой и приливом сил. Или все же попытаться? Бабку в заложницы, как-нибудь пробиться к выходу...

– Главный итог – мы нашли способ подключения к Сфере. К ноосфере. Всемирному разуму, если хочешь.

– Что это за хрень? – спросил Кат. Мысли о побеге пришлось гнать подальше.

– На пальцах не объяснить. Мы – питомцы Гнезда – как бы далеко ни были друг от друга – единый организм. С одними мыслями, с одной целью.

– Я в Шиловском лесу уже видел такую потеху.

– Ты про Черноцвета? Это неудачный результат. Нет, сам-то Антон получил силу, но не более того. Он не часть нас, значит – обречен.

– Его Антон зовут? – мимолетно удивился Кат.

Какая разница на самом-то деле. Урод он и есть урод, как ни назови. Охотницу и гибель Винни он ему не простит.

– Антон Шамаев, да. Один из начальников отделов ВСЛБЭ. Повелитель Великого Леса, десятка совов, кучи несчастных полуголодных людишек, паучьего племени и Старого Змея. Но – не питомец Гнезда.

– Какого Змея?

– Старого, парень. Не встречался пока? Так оно и к лучшему.

Кат задумался, но потом уточнил:

– Так вы все-таки люди?

Старуха улыбнулась. Натужно, криво, но тем не менее. Она вообще была эмоциональней своих мальчиков. И девочек.

– Были людьми. Теперь нет – теперь мы сверхчеловеческая цивилизация. Пафосно звучит, но это так.

Эх, Филя, Филя... Кат отключился от рассказа женщины, стиснув зубы. Вот главная боль, а все эти сверхлюдские амбиции и всемирные разумы... В топку их. Надо найти способ отомстить. Палач, говорите? Вы просто слабо представляете насколько, ребята.

– Зря ты не слушаешь, сталкер. Хотя... Станешь одним из нас, это знание получишь сразу. Как и все остальное. А нет – значит, нет.

– Погоди-ка... Так это непременно должно быть добровольное решение?

– В твоем случае – да, крайне желательно. Обычно нам все равно, лишь бы параметры мозговой активности подходили. Но ты, Кат, особенный. Как Нео. Слышал про такого?

– А цель этого всего? – обвел зал рукой сталкер, не отвечая на вопрос. – Ну, Гнезда, вас всех?

– Сфера говорит, что у нас есть шанс завоевать мир. Медленно, но полностью. Вытеснить людей из всех более-менее чистых мест и жить дальше. По-своему. Разумно, в отличие от вас. Великая Сфера требует твоего участия, это поможет нам обрести силы для активной экспансии. Этапа утверждения, как нам говорит разум.

– Почему именно я?

– Не знаем. Никто не знает. Но... Ты – катализатор, и даже если не участвуешь в процессе, он начинается в твоём присутствии. Ты – запал в гранате нашей победы, парень!

Все-таки она в прошлом была военным, это очевидно. Структура речи вызывала ту же оскмину, что и пламенные выступления Зинченко тогда, на Базе-2. Зевоту и икоту. Сейчас про долг перед человечеством и верность присяге еще скажет. Не может не сказать.

- Ты должен гордиться, это высокая честь! – внезапно сказала девушка.

Старуха кивнула ей. Не как начальник, на равных. Они действительно рассматривают друг друга как части целого. Интересная концепция, но какая-то... пугающая.

- Мы – это Гнездо, а Гнездо...

- ...это мы! – сказали все трое порчей. Действительно, страшноватая слаженность.

- А чисто технически – что от меня потребуется, кроме согласия? Клятва на крови морта? Поедание летучих мышей? Исполнение гимна?

Старуха снова каркнула. Кат понял наконец-то, что она так смеется.

- Ты уже шутишь... Хорошая адаптивность. Нет, мышей жрать не надо. Мы переведем реактор на полную отдачу, запустим связку из двух трансформаторов, ты зайдешь в ту камеру, – она ткнула пальцем-сосиской, толстым и коротким, в одну из дверей со смотровыми окнами. – И выйдешь через полчаса питомцем Гнезда. Это не больно, если тебе интересно.

- А что там?

- Шары. Стекланные шарики, изобретение великого Теслы. Он просто не успел сделать следующий шаг в своих изобретениях. А мы вот смогли. Технический проводник жалкого человеческого мозга к Великой Сфере. Включение в единую сеть.

- А что за... У вас здесь реактор? Ядерный реактор, как на АЭС?!

– Ну да. Установке же нужен источник питания, чему ты удивляешься. У Теслы и его тоже не было. Он просто рано умер. Слишком рано.

– То есть под миллионным городом щедрые предки забомбили ядерный реактор просто для нужд лаборатории?

– Да что тебя удивляет, парень? – старуха снова натянуто улыбнулась. На ее лице, слепленном из совиного носа и двух внимательных глаз, эта гримаса смотрелась жутковато. – Правительству нужен был результат. Любой ценой. А реактор... Он надежен, тридцать лет скоро как работает, пока не жалуемся.

– А замена блоков? И этих, как их... Ну, графитовой херни?

– Стержней замедления? Не так уж часто это и требуется. Жертвуем иногда одним из нас, что поделать. Благополучие всего Гнезда превыше всего.

– Бред... – ответил Кат.

Удивить его было сложно, но вот смогли же. Даже острый нож – горечь потери Фили, режущий его изнутри, словно остановился на минуту. Замер, чтобы продолжить с новой силой после.

– Мне нужны сутки на раздумья, – уверенно сказал Кат и поднялся с кресла, держась за край пульта. К сожалению, в движениях такой уверенности, как в голосе, не было.

Шатало его. Штормило.

– Без проблем, – снова неожиданно сказала девушка. – Мы отведем его в камеру.

– Ну не я же поведу, конечно, – откликнулась старуха. – Запускайте потом реактор и S-трансформатор на разогрев. Мы уверены в его согласии.

В лифт он зашел сам, но пришлось опереться на стенку. Девушка контролировала каждое его движение, однако за руки не хватала. Мужчина-порч нажал кнопку – Кат заметил, что сейчас они на минус пятом, ехать предстояло на минус второй.

Камера? Да и хрен с вами. Пусть будет камера. Хоть подумать и отоспаться: организм по-прежнему был крепко не в порядке, несмотря на залитые внутрь лекарства.

- Пожрать бы... - сообщил Кат обоим порчам сразу. - И выпить, если есть.

- Алкоголь строго воспрещен. А ужин я принесу, - для разнообразия теперь заговорил мужчина. - Скоро.

- А что не так с выпивкой? Поверь, мне надо. Очень надо. И побольше.

- Общее правило Гнезда. Алкоголь и наркотики строго запрещены. Курение тоже.

- Да и хрен с вами, я не курю. Кстати, а мои вещи? Мой рюкзак?

- Уже в камере.

Кат кивнул и дальнейшую дорогу до закрывавшейся на тугие засовы двери в свою временную тюрьму проковылял молча. С трудом, но сам.

Камера как камера, без изысков, но сухая и довольно теплая. Мелкие пытки преступников были, похоже, у сверхразума не в чести.

Рюкзак, как и обещали, сдутым шариком валялся возле узкой, коротковатой для Ката, лежанки. Он зацепил его пальцем за ляжку и бросил на тощий матрас. До постельного белья доброта питомцев Гнезда не дошла, а вот подушка имела место быть.

Можно и полежать. Нужно, если он не хочет свалиться опять в беспамятство. И крепко обдумать все, чему стал свидетелем.

Снова стало больно. Кат бы сам не поверил, но при мысли, что жена погибла, пока он безвольным тюком ехал в санях в сторону города, на глазах выступили слезы. Сталкер коротко зарычал и вытер их рукавом.

Не расслабляться. Не сдаваться. Жить и мстить.

Он высыпал все из рюкзака прямо на постель в поисках хоть чего-то полезного. Тетрадь Книжника, уже крепко потертая, с огрызком карандаша между страниц. Тонкий свитер. Ложка. Нож куда-то делся, забрали, гады. Не тот, что на поясе, – его отняли еще у реки, разоружили на совесть, но ведь даже маленький, перочинный швейцарец как испарился.

Носки. Трусы. Пустая фляжка.

Все это не представляло никакого интереса сейчас. Кат и сам не знал, что именно он ищет. Оружие? Против этих ребят нужен шестиствольный пулемет, не меньше, при их-то резвости. С ножом идти на порчей бессмысленно. Да и нет его, ножа.

Надо подумать, что вообще делать, а от этого плясать дальше. В этих их трансформаторах мозг вывернут, потом думать поздно будет.

Развернул сверток с пустым холодным шаром. Теперь хотя бы понятно, откуда они взялись. Отсюда, из Гнезда. Но как применить имеющийся?

Да никак. Сунуть обратно и забыть.

Порывшись в карманах, Кат нашел обрывок веревки, настолько короткий, что только мышонку повеситься. Ни на что более не годен. Так, а это? А, ключ из берлоги того самого боевого медведя на турбазе. Прямоугольник с выбитыми буквами ВСЛБЭ и одним неровным, зубчатым краем. Тоже отсюда штукovina, но куда ее и зачем...

Дюкер. Если он выжил и нашел оставшихся бойцов, он может попытаться отбить Ката. Надежда призрачная, но лучше, чем ничего. Больше никаких идей – к военным соваться глупо, а дети дракона... Да кто он им без Фили. Никто. Кат вывернул ладонь ребром к себе и посмотрел на половинку гексаграммы. Без Филиной части она не имела смысла. И он сам, хотя и привыкший за свою жизнь к одиночеству и пути воина, тоже не имел сейчас смысла. Вообще.

Порч, занесший поднос со скудным ужином, увидел, что пленник сидел на лежанке и смотрел в стену. Пристально смотрел, видимо, не замечая, как по небритой щеке сползала медленная слезинка. Капля в море всеобщего людского горя от начала времен.

Ничего. Скоро он станет питомцем Гнезда, и все эти нелепые человеческие чувства его покинут. А пока пусть ест, калории необходимы для поддержания энергетической сетки организма.

4. Сферы неведомых сил

Утро в подземелье ничем не отличалось от остального времени суток. Ничем, если бы не освещение. Лампочка – не дневного света, как в медблоке, а вполне обычная груша – к ночи почти погасла, померкла, став красным фонариком фотографа, чтобы снова прибавить яркости к утру. В камере не похолодало, а в окна не колотилась пьяным гостем метель.

Из-за отсутствия самих окон.

Кат проснулся еще до ненавязчивого сигнала лампочки, что, мол, пора. Пора вставать, бежать, суетиться, пора встречать новый день. Он лежал на жестком матрасе, глядя в потолок. Техническая сторона дела, этого их вступления в почетные порчи, его не волновала.

Не электрический стул, да и ладно.

Всемирный разум, надо же! Он уже слышал про Великое Черное пламя, Мертвого бога и прочего Горящего Господа. Про великого дракона и поклонение Книге перемен. Во что люди только не верили после Черного Дня... Еще одна секта, да и все, только поклоняются электричеству. Сидя на работающем реакторе – немудрено.

Само название – ноосфера – почему-то напоминало сталкеру дивное словечко «Носферату». Вампир это придуманный, он только не помнил, из какой книжки. Сейчас подключат к проводам, накачают силушкой, а потом отпустят полетать над мертвой землей. Крови хлебнуть.

– Или все-таки попробовать вырваться? – поинтересовался Кат у вспыхнувшей в дневном режиме лампочки.

Лежа его почти не тошнило, хотя слабость все равно осталась. Несмотря на лекарства, вчерашний плотный ужин – увы, без капли алкоголя – и долгий сон.

– Не советую, – каркнул под потолком голос совоподобной старухи. – Без шансов, паренек.

А, так они прослушивают камеру. Это открытие оставило Ката безучастным: да пусть хоть просматривают, плевать он хотел. После известия о смерти Зрачка он сперва озверел, а потом впал в следующую фазу – вот это созерцательное равнодушие.

– Я пошутил, о, великая порчиха! – сказал он. – Некуда мне бежать. Да и незачем.

– Умный ты не по годам... Поднимайся. Завтрака не будет, поешь после инициации. Сейчас за тобой зайдут.

Сталкер встал, подхватил рюкзак – не в камере же дальше жить, а ходить туда-сюда за вещами потом смысла не было. Один черт, оружия там все равно нет, возьмет шмотки с собой.

Уже закинув его за спину, подошел к санузелу. Классика буржуйского тюремного быта – он в одном фильме предков видел. Гибрид параши и умывальника: сверху кран, снизу дырка. Богато они здесь живут – вода была с хорошим напором, хоть и ледяная, а канализация работала без проблем.

– На выход, – сообщил вчерашний порч, приносящий еду.

Дверь в камеру уже была открыта – Кат и не заметил, когда тот вошел. Увлёкся умыванием. Девушка ждала в коридоре. На всякий случай, что сталкер тоже

оценил. Грамотно работают товарищи порчи. Предусмотрительно.

Давешний лифт не изменился. Створки, кнопки, короткое чувство падения – и приехали. А вот в зале управления всеми их установками было не протолкнуться: Кат почему-то думал, что Гнездо почти пусто, человек... ну, особей, как их правильно называть? Питомцев – штук десять от силы.

Он ошибался.

Возле пульта, вдоль стен, просто посреди зала находилось с полсотни обычных на вид людей. И не только людей – вон того парня, больше похожего на покрытого редким мехом медвежонка, вставшего на задние лапы, он точно когда-то видел в изоляторе Базы. И его соседа тоже. Кат же их и освободил.

Не соврали, берут к себе мутантов, но мало.

Остальными были люди. Молодые и старые, средних лет и совсем подростки. Мужчины и женщины. Обычное убежище, если не присматриваться к сложной аппаратуре и не обращать внимания на часто встречающуюся униформу – эти их комбинезоны с широкими поясами. Впрочем, некоторые были в камуфляже, а один старик и вовсе в драных лохмотьях, будто только что вернулся из неравной схватки со стаей летучих мышей.

– А где бабулька? – громко спросил сталкер, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вот еще отличие, как же он сразу не заметил: полсотни существ не издавали почти никаких звуков. Никто не разговаривал, не посмеивался, не шептал на ухо соседу новости. Зал статуй с равнодушными лицами. И редкий шорох одежды – все же не роботы, с ноги на ногу переминаются.

Главным звуком зала было негромкое гудение из-за дверей со смотровыми стеклами. За левой наливалось многоцветное сияние, будто некто зажег там, внутри, многочисленные гирлянды. Говорят, такие раньше включали на праздники.

Будем считать этот день праздником, куда ж деваться.

– Скоро будет.

Кто ему наконец-то ответил, Кат не разобрал. Да и не важно – он ощущал присутствие всего одного существа, чудом поделенного на все эти тела и растворенного в них. Стало страшно. Куда страшнее, чем под атакой пауков в заброшенной базе. Даже те безмозглые твари, ведомые волей Черноцвета, были отдельными. Сами по себе. Почти личностями, если сравнивать с этим многолицым единством разума.

Лифт за спиной заворчал и уехал на другой этаж, постукивая изношенными деталями при движении.

Несколько порчей заняли места за пультом, мониторы засветились неярким светом, синхронно выскочили одинаковые картинки, быстро сменившиеся рабочими столами. Кнопки, переключатели, верньеры; один из безымянных специалистов легкими касаниями поправлял целый ряд ползунков, поглядывая на экран и приводя их в одному ему ведомое положение.

Гул проводов усилился, где-то под полом зала проснулось большое и страшное сердце, начавшее качать кровь для питания всего этого железа, стекла и пластика.

– Чего стоишь? Иди уже в камеру трансформатора, – ткнула пальцем Ката в спину старуха. Этим рейсом лифт привез именно ее. – Дай проехать.

Сталкер, не оборачиваясь, пошел к двери с праздничным сиянием. Сзади прошуршали колеса инвалидного кресла, толстуха подъехала к одному из мониторов и довольно споро подсоединила свисавший со стола кабель к планшету, вытащенному из кармана серого халата.

Ни команд, ни переговоров в зале. Ни уточнения каких-либо деталей. Молчание. И свора рабочих муравьев, цепко перебирающих лапками по приборам.

– Реактор в норме. Трансформаторы в норме. Мощность системы ноль шестьдесят три от максимальной, – совершенно другим, молодым и... радостным, что ли, голосом сказала старуха. Никто не откликнулся, но ей это было и не нужно. – Иди в камеру А-трансформатора, паренек. Сегодня великий день.

- Рюкзак... - прошелестел кто-то.

- Не важно. Теперь уже ничего не важно! - откликнулась «тридцать эсэс». - Пусть идет.

Кат потянул на себя дверь. Несмотря на свою массу и ощутимый даже со стороны гигантский вес, открылась она легко и беззвучно. В глаза ударили тысячи светящихся шаров установки. Стеклянных сфер. Близнецов той, что полгода лежала у него в рюкзаке, завернутая в грязную тряпку.

- Садись в кресло и расслабься. Все будет хорошо, - прохрипел невидимый динамик.

- Хорошо не будет никогда, - ответил Кат. - Мы прокляты этим миром.

- Значит, придется строить новый, - отозвался динамик и замолчал.

Молнии в тысячах шаров танцевали свое привычное беззвучное танго, пока еще не вырвавшиеся наружу, но близкие к этому.

Одним богам - если они где-то все-таки есть - известно, зачем Кат полез в рюкзак и достал темный немой шар. Близость установки не пробудила в устройстве силы, не зажгла свет, но, наверное, именно это и было нужно.

Сталкер уверенно вытащил из одной ячейки действующую сферу, опасаясь обжечься - но нет, она была прохладной, не теплее ручки массивной двери за спиной, - и бросил под ноги. А на ее место вставил свою, черной точкой выделяющуюся среди буйства красок. Потом швырнул на пол рюкзак и уверенно сел в кресло.

Праздник так праздник, он пришел со своим подарком.

Кто заставил его сделать так, а не иначе, кто невидимый толкнул под руку?

Даже если мрачные боги Ката существовали, они были немногословны. Промолчали и сейчас. Не время и не место отвечать на незаданные вопросы.

Открытые пасти капканов, на которые он положил руки, захлопнулись. Такие же фиксаторы мягко, но уверенно зажали ноги. Подголовник обнял затылок. Кресло чуть поднялось, подстраиваясь под рост человека, немного откинулась назад спинка.

Кат смотрел на игру молний и не думал.

Ни о чем.

Ни о ком.

Так бывает, если потерять все.

В начале было не слово – теперь он знал это точно. В начале был Свет. Именно так, с большой буквы. Ослепительный белый свет, ударивший в глаза. Хотя Кат опустил веки и постарался отвернуться, ничего не изменилось: невыносимое сияние било со всех сторон. Изнутри головы самого сталкера. С неба и из-под земли. Оно не имело смысла и логики, оно само было ими.

Ныне, присно и во веки веков.

– ...над землей мороз, что ни тронь – все лед... – прозвучало откуда-то.

Кат больше не видел сфер, камеры, кресла и самого себя. Более того – он даже не ощущал свое тело. Его больше не было.

Осталась точка посреди ровного белого сияния, черная точка, которой и был теперь он сам. Душа. Разум. Суть человеческая.

Голос смолк. Творец сказал, что хотел, и умер в безмолвии того самого апреля.

Дальше началась странная карусель из запахов, мерцания, смены верха и низа этого места вне пространства. Звуки появились после, но были странными. Какофония из военных команд, детского плача и ворчания старика Митрофана:

– Снова ты, Шурик, не то спрашиваешь. Не о том. Но – тебе жить, я-то свое уже...

Кату снова пять. Он играет старой машинкой без колес, принесенной в убежище с поверхности. Вокруг – подвал «Автовокзала». Рядом – как обычно молча – возится брат, выкладывая из камней одному ему понятный узор, а сам Кат поднял голову и слушает старика соседа. Скоро вернется мама, совсем скоро, а пока...

– Какой же ты дурак, Сашка! Какой же дурак... – говорит Консуэло.

Не такая, какой он запомнил на Базе при расставании, нет! Ей пятнадцать, и она действительно самая красивая девушка на свете, пусть и свет тот размерами с невеликое подземелье рядом с водохранилищем.

– Старайся в голову! Иначе не выйдет, – это уже Груздь.

Лохматый, кряжистый, с кажущимся детской игрушкой карабином в мощной лапе.

Свет становился невыносимым. Кат понимал, что сейчас будет им полностью стерт. Понимал, как становятся порчами – это хуже смерти. Или лучше. Тут уж – кому как.

Он видел мать и – как себе представлял по единственной фотографии – отца. Над чем-то хмурился Книжник, грызя карандаш, смеялся Винни, трясся еще длинными волосами, печально улыбнулся из светлого пятна Буран. Люди, которых больше не было. Которых не будет никогда.

Внезапно он увидел совершенно незнакомого человека среди этой галереи покойников. Совсем молодой, но крепко небритый парень. Контраст черной щетины почти до глаз и абсолютно седых волос, прядями прикрывавших лоб – они торчали из-под старой бейсболки с неясно различимой эмблемой. Кто это? И – зачем он здесь?!

– Вы все умрете, так решил я, Черноцвет.

Взрыв. Вспышка черного пламени, по которому волнами перекатывались неясные волны, что-то означавшие, медленные, тяжелые. Грозные.

Перед мысленным взглядом Ката всплыло лицо Антона Шамаева. Теперь он знал о нем все – каким он был до Черного Дня, конечно, плюс данные разведки порчей.

Порчей?

Это слово больше не подходило. Оно мешало. Царапало язык, если пытаешься его произнести, и растекалось полынной горечью по рту. Питомцев.

Черная точка сознания подпрыгнула, как мячик, и пронзила бетонные перекрытия. Иглой прошила пространство, не отягощенная ниткой, и вонзилась в небеса. Ни вечные облака, ни зимняя хмарь нисколько не мешали стать равным низким звездам, глянуть сверху на землю, подобно одной из них. Свет никуда не делся, но и не мешал теперь смотреть на черную кляксу Воронежа с высоты нескольких километров.

На разрушенные нити мостов, развалины домов и синее тошнотворное сияние водохранилища.

Множество алых точек обозначало, вероятно, людей, но как ни старался Кат, он не смог разобрать – кто они. Кто из них кто.

* * *

Ираида Зосс мрачно смотрела на паутину графиков на экране. Процесс в середине, но результаты... Великая Сфера, почему с этим парнем всегда все не так?! Вот и сейчас – инициация происходила по графику, первичные слои стерты, но при этом аномалия налицо.

Кем он выйдет из приемной камеры? Питомцем? Или чудовищем, сохранившим человеческое, но познавшим высший разум?

Она махнула рукой, и к дверям камеры А-трансформатора подтянулись трое порчей с автоматами наизготовку. Нечасто, но бывает и так: выходящего адепта проще уложить на месте. Дешевле выйдет с точки зрения прагматичности, хотя их и мало. Их всех слишком мало.

Тихо звякнул зуммер нештатного течения процедуры. Вся аппаратура была спроектирована профессором, этот звоночек – уже из ее собственных изобретений. Ираида понимала свою бездарность по сравнению с бывшим начальником и кумиром, но и она все-таки технарь, уж по мелочи доделать установку смогла.

– Нештатная мозговая активность, – промелькнуло в голове. Кто-то из девочек напомнил, у этих имен не было никогда. Да и она свое забыла. Почти забыла...

– Завершим инициацию, – отдала Ираида мысленный приказ всем. И стала ждать.

* * *

Свет оставался белым, но теперь где-то на краю остатков сознания пролегла темная полоска. Незаметная для глаз – да и не ими Кат сейчас видел происходящее. Он просто знал, что она есть. Где-то. Возможность вероятности. Именно эта полоска и осталась им, настоящим, а вот все остальное...

– Мы слышим тебя, – сказал кто-то в пустоте над мертвой землей.

– Я слышу вас. Я знаю путь и верю в цель.

С кем он говорил? Опять же неведомо.

– Мы – это Гнездо...

– А Гнездо – это мы! – неожиданно уверенно ответил Кат.

Что-то звонко лопнуло над головой, как разбитая со зла бутылка. Его окатило ощущение общего сознания, больше не делящегося на отдельных людей. Струя кипятка, окончательно размывшего болтавшийся в стакане кусочек непрочного ноздреватого сахара. Он стал частью вселенной, а она вошла в него, закрепилась, пропитала воспоминаниями, знаниями и мыслями каждого из питомцев.

Теперь он знал устройство установки.

Видел конструкцию Гнезда – от спрятанного очень глубоко реактора, к которому вела лестница со множеством дверей-перемычек на поворотах.

Он слышал, как поют птицы над живой еще землей, как щурятся люди от солнечного света, не закрытого этими долбаными облаками.

Знал вкус мороженого и ощущения женщины во время секса.

Как это бывает, когда ты встаешь с раскаленного песка, потягиваешься и бросаешься в кажущуюся ледяной воду, в которой нет ни следа радиации.

Как шить и говорить по-английски, водить трамвай и покупать билеты на самолет, смешивать лекарства и гулять с собакой – обычной глупой шавкой, метящей встреченные по пути столбики. Не мортом.

Впрочем, теперь он знал и происхождение самих мортов и совов. Вот уж никаких секретов, откуда они взялись – из соседней камеры, из S-трансформатора. Теперь постепенно их найти и уничтожить – и его личная задача. Так положено. Этого требует Сфера. Он впитал все знания всех питомцев и взамен отдал им свои.

Не было только эмоций. Все телесные воспоминания оставались обычными фактами, зарегистрированными мозгом и аккуратно сложенными в шкаф «Былое» на дальние полки. Они не радовали и не сердили, не вдохновляли и не служили препятствием для жизни дальше.

Они просто имели место быть.

* * *

Говорить вслух необходимости больше не было.

Ираида посмотрела на опустивших оружие питомцев, отходящих от двери камеры трансформатора. Потом на графики. Черт ногу, конечно, сломит: в такие

вот моменты ей особенно остро не хватало профессора. Вникнуть. Разобраться. Скрипучим голосом вынести вердикт – что, собственно, произошло на этот раз.

С одной стороны, все ясно – инициация состоялась, характерные изменения работы мозга есть: стерты изначальные слои, утрачен эмоциональный круг. Масса мелких деталей, такое не подделать. Потенциальный питомец стал реальным, да и пополнение банка воспоминаний и умений состоялось. Если бы она могла ходить, то хоть сейчас изобразила бы пару приемов борьбы из арсенала Базы-2. Или открыла бы без инструментов банку тушенки, легко и привычно.

Если бы она могла ходить...

При этом некая невнятная аномалия тоже проявилась. Вот эта кривая не туда, и пиковые значения смещены. Не по ее уму это, увы, но так. Не разобраться. Остальные питомцы и вовсе не специалисты, ей они не помощники в этом деле. Их знания о процессе – копия ее навыков, эхо от эха профессора.

– Выключайте установку, все получилось, – услышал каждый из них, считая и Ката.

Бывший сталкер неторопливо встал, потягиваясь. В одном ему не наврали точно – он словно преодолел болезненный кризис, организм снова стал верным помощником, а не затаившимся врагом. Опухоли не пропали, но он откуда-то знал, что их рост остановлен, а новых не будет.

Великая Сфера не только меняла разум, но и помогала ему лечить тело. С того света не вернет, да и искалеченным ногам Ираиды не поможет, но определенные способности к регенерации тканей появились.

А еще ощущение, что так и было всегда, настолько плотно переплелись полученные умения с собственными – не разделить, не разрезать.

А вот по поводу Фили ему соврали. Она жива. Правда, этот факт не вызвал прилива радости. Вообще ничего не вызвал. Еще один факт из бесконечной копилки таких же.

Кат глянул на угасающие сферы вокруг, на темное пятно неработающего шара. Зачем он это сделал? Неизвестно.

Не имеет значения.

Пустой факт из числа бессмысленных человеческих поступков, копаться в которых ему больше нет причин. Он перестал быть человеком, он стал частью целого, и это – без эмоций, просто как зимний костер в убежище – грело.

Теперь все стало правильным. Только теперь.

Он закинул за спину рюкзак и пошел к уже приоткрытой механизмом двери. И только тонкая черная полоска где-то на краю сознания, на узкой границе между жизнью и смертью, билась слабым пульсом, храня нечто от него прежнего.

Пусть там и остается, в его новой жизни от нее нет никакого толку.

5. Научные споры

– Кнутов без сознания! Срочно медиков и... гасите уже свой коллайдер. Не до экспериментов. Бардак, а не научное учреждение особого, между прочим, режима. Высшей, мать вашу, секретности!

Васильев нервно почесался. Какие уж здесь пляжи и пиво – подчиненные ему ученые пошли вразнос. Собаковод этот спятил, похоже, а ведь были и раньше симптомчики. Лучше бы они пили, что ли...

Хотя нет. Если б пили – вообще все разнесли бы к чертям.

Поднялась суета. Дежурный врач из медблока, торопя двух лаборантов с носилками, под мышки вытаскивал из приемной камеры А-трансформатора обмякшего Кнутова. Обмочился, похоже, мученик науки – вон мокрый след по полу тянется за подошвами.

Профессор, не обращая внимания на пострадавшего, что-то втолковывал Ираиде, та кивала, поглядывая на приборы. Из приоткрытой двери своего кабинета выглянул Шварцман – кабинка энергетика традиционно отдельно от общего зала. Что на ракетной базе, что у этих... мозгоправов. Военные традиции, святое дело. Даже если не нужно.

Особенно когда совсем ни к чему.

– Реактор в норме. Но вот график потребления энергии – нештатный, – сообщил он. – Надо бы запустить проверочный цикл.

Профессор очутился рядом с начальником и, нависая над ним, тощий как цапля, размахивал руками:

– Товарищ полковник! Нельзя останавливаться сейчас, в этот момент! Мы на пороге грандиозного открытия...

– А я думаю – надо прекращать, – буркнул начальник. – До выяснения. Сейчас безопасник утихомирит вашего зоолога, собачек в клетки вернут, тогда и подумаем. Опять же лаборант без сознания.

– И я думаю – опасно! – процедил со своего места Шамаев. Несмотря на вентиляцию, лысина у него вспотела и отсвечивала в холодном свете ламп. – Мою часть эксперимента требую отложить. В полном объеме вы мне действовать не позволяете, к чему тогда полумеры? Опять же на досуге пересчитаю цепи подключения, тогда и...

– А срыв графика? Что нам скажут в Москве?! К тому же – все живы, нет причин беспокоиться. – Профессор Веденеев обернулся в поисках поддержки к Ираиде: – Товарищ Зосс! Вы-то меня поддерживаете?

– У нас тут что, диспут, блядь?! – взревел вышедший из себя полковник. – Да я задницей отвечаю за все происходящее! А у вас явные недоработки! Я сам кандидат технических наук, не где-либо там. Понимать умею.

Профессор Веденеев пожал плечами. Ираида молча кивнула. Вроде как поддерживала, но и гнев начальства на себя переключать не стремилась.

– Жить будет, – сообщил на бегу врач, сопровождая носилки с Кнутовым к лифту. – Обморок, не больше. Потеря сознания, сосуды вон в глазах полопались. Перегрузка там, в камере, возникла, не иначе.

– Держите меня в курсе, – буркнул полковник. – По мере поступления информации.

Грузовой лифт увез пострадавшего в медблок, пассажирский не возвращался. Полковник набрал с пульта пост охраны, послушал тишину и снова выругался:

– Бардак! Одного психа остановить не могут. Еще и не отзываются...

Переключился на караулку, снова нервно почесался. Что-то сердце давит который день...

– Васильев. Что у вас там творится? Пост молчит... Какие трупы? Че-е-го?! Код «Орхидея», личный состав в ружье!

Начальник выдернул из пульта мастер-ключ и молча бросился к лестнице, плюнув на все: на вопросы Веденева, что-то пытавшегося сообщить энергетика и остальную суету в зале управления. Только дверь хлопнула за скрывшейся начальственной задницей.

Которой он за все отвечал.

– Падение мощности, – уныло повел носом Шварцман. – Жду указаний.

– Антон Сергеевич, – вкрадчиво спросил профессор у Шамаева. – А если я разрешу сразу обе стадии вашего исследования? Тогда согласитесь?

Лысый внимательно посмотрел на Веденева:

– Искушаете?

– Предлагаю.

– Но мощности без ключа может не хватить, а полковник явно не в духе.

Профессор рассмеялся. Слышать это было по меньшей мере странно – сухой, больше напоминающий икоту, дробный смешок довольной собой цапли.

– Антон, ну вы как ребенок, право слово! Да я придумал всю здешнюю аппаратуру. Встроил в нее по требованию Москвы пульты ограничения, под этот самый ключ, но неужели вы думаете, что не предусмотрел обходного пути?! Да не смешите, коллега. Все есть. И для вас я могу подать предельную мощность на установку. Только вот испытатель... Кнутов-то не в форме.

– Сам пойду, – подумав, ответил ученый. – Дело того стоит. Но – сразу обе фазы!

– Не сомневайтесь, – довольно сказал Веденеев. – Ирочка, шамаевскую программу на обе установки. Полный цикл.

Профессор подошел к резервному пульту и набрал на клавиатуре какую-то команду. Шварцман сразу высунулся из кабинета:

– Васильев вернулся? Вижу подтверждение максимальной мощности!

– Исаак Яковлевич, идите работать, – махнул рукой профессор. – У меня есть все полномочия.

Вентиляция взвыла, подстраиваясь к росту мощности установки – синхронно с системой охлаждения; под полом опять что-то вздрогнуло. Ираиде всегда представлялся в такие моменты спящий глубоко под землей великан. Ему нет ни до кого дела, но суетливые людишки беспокоят и мешают.

Требуют поделиться силой, теребя за усы.

Один из лаборантов Шамаева вернулся из медблока, застенчиво встал в сторонке. Для них, помощников каждого из этих неординарных ученых, любая мысль, любые брошенные вскользь слова значили многое. Тем более почетно было присутствовать при экспериментах.

– Реактор в норме. Установка в норме. Мощность ноль восемьдесят два от максимальной.

Ираида говорила неторопливо, глядя на мониторы.

– Зафиксируйте все данные! Все! Я потом разберусь с результатами, – напомнил ей Шамаев.

Женщина кивнула.

Она никогда из их не любила – что нервного Вольтаряна, что этого Шамаева, напыщенного и высокомерного. Ее чувства и к самому профессору были далеки от любви: уважение – да, возможно, преклонение перед интеллектом. Но ничего личного.

Ираида Зосс вообще не любила людей.

После ряда команд с пульта обе камеры, повинаясь мощному механизму, спрятанному в недрах установки, соединились. Стена, их разделявшая, ушла вверх, конструкция из стекол Теслы повернулась, из шара превращаясь в открытую в сторону второго трансформатора полусферу. Кресло испытателя по направляющим отъехало правее, оказавшись в середине объединенной установки.

– В какую дверь? – на секунду замешкался Шамаев.

Он как раз выложил из карманов ненужные и потенциально опасные в камере смартфон, ключи от машины и зажигалку.

– Все равно, – бросил профессор. – Там теперь единое пространство. Идите в левую, так удобнее.

Антон кивнул, протер лысину носовым платком и бросил его к вещам на столик.

– Реактор в норме. Установка в норме. Сцепление камер штатное. Мощность ноль девяносто шесть от максимальной. Готова к подаче энергии.

Шамаев под эти слова и вошел в объединенную камеру трансформаторов. Интересное зрелище: левая полусфера из шаров Теслы, в зареве многоцветных молний, правая – почти черная на этом фоне, из вогнутых шестиугольных плит размером с раскрытый зонт. В середине стояло ждущее его кресло.

– Тройной импульс. Потом пауза и серия одинарных до появления всплеска кривой тэта, – сказал профессор. – Шамаев почти гений, коллеги, только очень уж колючий. Как еж. Скажу сейчас, пока он не слышит.

Гениальный еж тем временем откинулся в кресле; обмоченная Кнутовым подкладка, разумеется, была вынута и заменена на новую, ручки и подголовник протерты бдительными лаборантами.

«Хорошо бы не обоссаться самому», – подумал Антон Сергеевич и прикрыл глаза.

Это было похоже на пламя.

Красное с черным, с прожилками оранжевой плазмы, нестерпимо жаркое и словно выжигающее изнутри. Ничего общего с костром где-нибудь в походе, когда вокруг уже стемнело, неподалеку бренчит гитара в неумелых руках, а по жилам растекаются усталость и водка. Все совсем не так.

И пламя не просто заполонило Шамаева, оно говорило с ним низким проникновенным голосом, нараспев, будто читая неведомые мантры. Слова были непонятны, но это были слова. И чувства. И запахи, смешанный аромат ванили и гниющего мяса, как когда-то в детстве, в Севастополе, когда они с отцом нашли на прибрежных камнях мертвого дельфина.

Шамаев сейчас и видел, казалось, это млекопитающее, смотрел на шевеление осколков челюсти в рваных лохмотьях кожи – толстой и неприятной, как обрывки резины.

И все-таки это был огонь. Красное и оранжевое терялось, уползло щупальцами в небытие, оставляя только ревущее стеной черное пламя. Великое Черное пламя, понял Шамаев.

Остальное понимать нужды не было. Он держал в руках огромную, нечеловеческую власть. То, чего ему не хватало всю жизнь.

- Ты исполняешь желания? – спросил он у темной шевелящейся пустоты.

- Нет. Это ты их исполняешь... – наконец-то понятно ответил огонь. – Я – всего лишь ветка, до которой ты дотянулся сорвать яблоко.

- А выше?.. Есть что-то еще там, на следующей ветке? – Шамаев уже шептал, тихо, так, что чувствительные микрофоны установки не улавливали звук.

Но пламя его услышало:

- Конечно. Всегда есть что-то выше, мой раб... Мой хозяин... Но – пользуйся этим, те ветки не для тебя.

Нестерпимо ярко вспыхнувший свет прервал голос пламени, пинком отбросил его назад, как нашкодившего щенка.

Шамаев пошевелился. Молнии, плясавшие в шарах, гасли, а на плитках справа напротив словно горели отражения, как в зеркалах, которых здесь никогда не было.

- Мне нужно вверх, – уверенно сказал Шамаев микрофонам установки. Не шевелясь, даже не делая попытки встать из кресла. – Мне нужно в больницу.

В открытую дверь уже вбегали профессор и лаборанты, но он так и сидел, откинувшись на спинку кресла всем телом. Левая рука дернулась, подскочив над раскрытым фиксатором, и тяжело упала вниз, свесившись почти до пола.

- Я не чувствую тела...

Его вытащили из камеры прямо на запасных носилках, предусмотрительно принесенных из медблока. Лифт ждал, но везти придется действительно вверх и думать, как доставить в больницу.

- Пожалуй, хватит на сегодня... – растерянно сказал профессор.

Три эксперимента, три явных неудачи. Вместо прыжка в неизведанное, вместо включения в ноосферу Земли – какой-то, прости господи, облом. Расчеты Шамаева, по всей видимости, тоже не сработали. Из трех начальников отделов в строю осталась одна Ираида, а у нее туго с идеями. Такой уж она человек.

В зал из пассажирского лифта выскочил Васильев в сопровождении двух автоматчиков охраны. Это даже не бешенство – полковник был не на грани, а далеко за гранью срыва.

– Что еще?! – заорал он с порога. – С ним-то что? Я сказал прекратить всякую деятельность, ослы ученые! Мудаки, бля, там ваш Вольтарян поубивал охрану и сбежал!

– Он такой же наш, как и ваш, – заметил профессор. – У нас тоже серьезные проблемы. Шамаева срочно надо в клинику.

Сам ученый лежал на носилках, картинно свесив вниз руки. С его телом все было в порядке, просто неумолимая сила, быстро подчинявшая себе волю и лепившая из внутреннего пластилина нового человека, требовала оказаться в одиночестве. Одному. Совсем одному. Идеально – посреди поля, раскинув руки крестом и глядя в небо, пока оно не потемнеет к ночи. Не проступит точками равнодушных звезд.

– На хера? – спросил полковник. – В медблок! Режим секретности, не забывайте.

Профессор приподнял бровь. Для его сухой и неэмоциональной натуры это было признаком сильного удивления, хотя человек попроще сейчас орал бы в голос:

– В клинику ФСБ, полковник, не валяйте дурака. В медблоке из-за вашей постоянной экономии всего одно место, а там Кнутов. Он без сознания, вряд ли стоит везти его через полгорода.

Полковник, оглянувшись на неизвестно зачем приведенных с собой бойцов, плюнул на почти стерильный пол зала:

– Куда хотите... Вы ж меня под трибунал, с-с-суки...

Он мешком повалился в ближайшее кресло и начал растирать грудь. Под грудиной и слева что-то жгло изнутри, распирало, слегка онемела левая рука, и было ему почему-то страшно. Очень страшно, что он умрет прямо сейчас, среди толпы этих уродов.

В спину словно воткнули раскаленную спицу, какими бабушка в детстве вязала маленькому Васильеву носки, и мерно проворачивали, норовя дотянуться до сердца.

Веденеев махнул рукой лаборантам: увозите Шамаева наверх. После нажал кнопку вызова врача из медблока. Кнутову пока хватит и медсестры, а вот если загнетса начальник – худо будет всей лаборатории.

Шамаев прикрыл глаза и дождался, пока его вытащат из лифта на верхнем уровне. На посту царила паника: у одной стены тела убитых, на полу лужа крови – ее правда так много в человеке? – в которую едва не наступил лаборант.

– В клинику. Приказ Васильева, – лежа простонал Шамаев троим бойцам в бронежилетах и касках, настороженно взявших их на прицел. – Минивэн на месте?

Старший кивнул. Служилось здесь тихо и сытно до этого чертового дня, а теперь не знаешь, что и думать. Кого слушать. Этот, на носилках, один из начотделов вроде, руководство... Правда, сбежавший с собаками тоже из этих.

Дурдом. Ночной пожар на городской свалке. Портал в ад.

– Езжайте. На месте. Ключи на щите, – наконец решил он.

Минивэн лаборатории выехал из гаража, сопровождаемый визгом покрышек. Лаборант слишком нервно отнесся к состоянию Шамаева, что было последнему на руку, конечно, но так и разбиться недолго.

– Скажи ему, пусть не гонит. Нам только аварии не хватало! – слабым голосом попросил он второго парня в соседнем кресле. – И позвони в приемное, пусть ждут на въезде.

За окнами мелькали дома. Суббота, город почти пустой, все, кто смог, разъехались по дачам. Так они домчатся быстро, а это было совсем не нужно. Шамаев вообще не собирался ни в какую клинику, ему остро хотелось спрятаться от людей. Черное пламя бушевало внутри, проступало на коже невидимыми другим узорами, ковало и плющило личность.

– Останови машину, – приказал он своим обычным уверенным тоном.

Водитель кивнул, но не успел нажать на тормоз – что-то полыхнуло над городом, разноцветное, как северное сияние. Или как молния в шарах Теслы.

Вся электроника черного «транспортера» умерла мгновенно. Погасли лампы, откинулись влево стрелки приборов.

С трудом удержав машину с отключенным гидроусилителем, водитель едва не врезался в столб, но умудрился остановиться. Микроавтобус подпрыгнул на бордюре, наполовину заскочив на тротуар.

– Что за херня?.. – испуганно сказал второй лаборант. – Вы целы, товарищ...

– Молчи. Слушай. Выполняй, – с расстановкой сказал Шамаев.

Лаборант сжал голову руками и кивнул, его лицо исказилось от боли. Казалось, что-то невидимое с размаху ударило его в мозг тяжелым подкованным сапогом.

– Пламя... Великое черное пламя, братство всех во имя вас... – внезапно сказал он и поднял голову.

Глаза у него были совершенно пустыми, как у куклы. В расширившихся зрачках, застывших, мертвых, плясали языки черного огня. Потом эта тьма расползлась дальше, будто поедая белки, сливаясь в блестящую неподвижность.

Лаборант осел в кресле, пальцы разжались, руки обмякли.

Шамаев потрогал его за шею, привычно ища пульс:

– Гм... Перестарался. Эй, водитель!

Тот перегнулся через сиденье, глядя назад, но тоже схватился за голову. Злой и непокорный зверь, клубок тьмы, шевелившийся теперь внутри Шамаева, требовал выхода, рвался наружу и брал свое. Еще учиться и учиться его останавливать вовремя...

- Лаборант, ты пойдешь со мной.

Водитель кивнул. Он отныне лишился имени, но сохранил свою жизнь. В глазах тоже плясало пламя, но меньше, заметно меньше, чем у погибшего. Шамаев удовлетворенно кивнул и отстегнул ремень безопасности.

- В машине есть оружие?

- Пистолет в бардачке, - каким-то чужим голосом откликнулся водитель.

- Возьми, нам может пригодиться.

- Так точно, то есть... Я понял вас, господин.

- Зови меня... Ха! Вполне по теме... Зови меня Черноцвет, мой первый ученик. Нас ждут интересные времена.

Вот в этом Шамаев не ошибался, времена - учитывая подлетающие к городам ракеты - наставали действительно необычные. Увлекательные. Главное, пережить их без серьезных потерь.

Живыми, что скоро станет главным признаком успеха.

* * *

- Мы все умрем, - выплюнув трубку с водой, прохрипел Кнутов.

Профессор, которого пожирало любопытство, решил расспросить хотя бы этого парня. Прямого, тупого, только богатырским здоровьем и крепкими нервами пригодного лаборатории в череде запланированных экспериментов.

– Само собой, – кивнул Веденеев. – Вечных людей не бывает.

– Вы... Профессор, вы не понимаете... Мы все скоро умрем – вы, я, город... Цивилизация. Человечество! Началась война, скоро все разрушится.

– Это вам в камере трансформатора привиделось? – уточнил собеседник.

Кажется, насчет крепких нервов медкомиссия наврала – один заход всего, а как паренька трясет. Нужен новый испытатель.

– Это не видения... Я теперь точно знаю. Я многое знаю... Теперь и я – не тот, что был, часть разума Земли.

– Сдается мне, он бредит! – раздосадованно бросил профессор медсестре. – Черт знает что! Васильев при смерти, а этот... мозгонавт рассказывает сказки.

– Зря вы так думаете, профессор, – широко улыбнулся Кнутов. У него даже мимика изменилась – из незаметного лаборанта Ираиды уровня «подай-принеси» он стал каким-то... опасным, что ли.

Профессор невольно отодвинул стул от лежанки: укусит еще. Достал блокнот и ручку, несмотря на ведущуюся звукозапись в блоке. Ручку, естественно, уронил – у профессора вообще была беда с мелкими предметами.

А вот того, что Кнутов ее поймает, легко, словно не напрягаясь, выгнувшись с каталки до пола, и протянет обратно, не ожидал никто. Медсестра даже охнула.

– Зря вы мне не верите, профессор. Я значительно изменился. Рефлексы, знания, там, – лаборант ткнул пальцем в потолок, имея в виду никак не начальство, а что-то куда выше, – дается многое. Хотите, я расскажу вам о строении Вселенной?

– Да на кой, простите, мне это хрен? – удивился Веденеев.

Он был поражен. Растерян. Неужели эксперимент удался и те самые теории академика Вернадского были...

– Не надо – так не надо, – легко согласился Кнутов, одним движением соскальзывая с лежанки. Даже в больничной рубашке до колен, в которую его переодели из изгаженной одежды, выглядел он угрожающе. – Ваше право. Насчет войны вы только зря сомневаетесь.

Профессор растерянно мигнул.

– Она началась. Потом люди назовут это Черный День. Катастрофа. Конец света.

Кнутов словно прислушался к одному ему различимым голосам, приподняв голову и глядя на лампу под потолком.

– В Воронеже еще не так страшно будет, не самый эпицентр. Кстати, Васильев только что умер, обширный инфаркт. Теперь вам рулить, смены уже никто не пришлет.

В кармане профессора задрожал виброзвонок телефон, переключенный из-за глубины бункера на местную локальную сеть.

– Николай Петрович, – устало сказала Ираида. – Спуститесь в зал. Начальник лаборатории скончался.

6. Расчлени и властвуй

Теперь многое стало ясно.

Почти все: когда, как и почему возник тот Воронеж, который Кат видел с рождения. Черный День – не по рассказам, а увиденный чужими глазами.

Первые мутанты.

Кто такой Черноцвет.

Открытия не принесли ему удовлетворения, это чувство куда-то подевалось, как и остальные сильные эмоции, еще там, в камере с шарами Теслы. Ушло.

Разум слился с Великой Сферой, став чистым лезвием логики, не отягощенной пристрастиями. Воин стал быстрее, сильнее, образованнее. Кат теперь...

Стоп. А кто это теперь – Кат?

Сталкер тряхнул головой, словно отгоняя назойливую муху. Он по-прежнему и есть Кат. Или нет? Вопрос...

После выхода из установки Ираида мысленно посоветовала ему отдохнуть. Опять же никаких эмоций и симпатий – организм перенес определенный стресс, мозгу требовалось время на настройку новой реальности.

Спрашивать ни о чем нужды не было – устройство Гнезда Кат знал теперь так же, как и любой питомец. До мелких деталей. Рассчитанная на пребывание до сотни людей лаборатория могла предложить ему на выбор с пару десятков жилых комнат; Кат занял ближайшую. Никакого смысла в выборе, если они одинаковы, а ему самому – плевать.

По сравнению с Базой-2, на которой он вырос, помещения лаборатории были больше похожи на обычный офис: бетон стен прикрыт пластиковыми панелями, а пол – ламинатом. Все это, как и негоревшие то тут, то там лампы, со времен постройки обветшало и частично утратило прежний лоск.

Но если не приглядываться, то вполне нормально. Жить можно.

Даже воевать можно – несмотря на сугубо научные исследования, строили лабораторию по всем правилам, с возможностью перекрыть проходы, с пулеметными гнездами, ловушками и запасными секретными выходами. Да и сама планировка отчетливо напоминала Базу. Поменьше просто, и больше уходящая в глубину, чем вширь, но нечто общее точно было.

Вот и комната – он видел такие в средней руки домах и недорогих отелях в центре. Только там все засыпано мусором, загажено еще до его рождения, непригодно ни к чему, а здесь – живи себе и... Раньше бы сказал – радуйся.

Кат открыл дверцы шкафа и наткнулся на зеркало. Так и застыл с рюкзаком в руке, разглядывая себя, словно впервые в жизни. А может, и так – в этой новой реальности именно что первый раз: высокий парень, едва помещавшийся в прямоугольник зеркала, дверь в самого себя. Усталое, несмотря на молодость, лицо, уже с морщинами. Торчавшая на макушке полоса волос делала его агрессивнее на вид.

Или он по сути такой?

Странное ощущение. В голове теперь – и похоже навсегда – поселился ровный гул голосов, звуков, воспоминаний и впечатлений других людей. Словно сидишь в большой компании и в любой момент можешь спросить у соседа что-то нужное. Или воспользоваться его ложкой, никто не будет против.

При этом он один. Он знает, что его личность, сжатая в незаметную полоску и выкинутая за край мироздания, существует. Именно она и обдумывает сейчас, остальная часть слилась с голосами и выполняла общие задачи.

Цель теперь одна – захватить город.

Сначала город, а потом планомерно, но неотвратно – и остальную землю. Для этого у них есть все. Дело за очень малым – новые питомцы. Далеко не у каждого человека подходящие параметры мозговой активности, поэтому потребуется перебрать всех доступных жителей и адаптировать подходящих. Теперь и его, Ката, роль ясна – не только ускорение развития ситуации, нет! Требуются и его воинские навыки. Как ни странно, но – Сфера же не ошибается? – раньше из него получился бы полководец.

Полезное и теперь качество для тех, кто решил унаследовать Землю.

Кат вспомнил когда-то прочитанную книгу, где были людены – следующая ступень развития человечества. Они занимались своими делами, но готовы были и помочь людям, просто как выросшие дети – престарелым родителям.

Все не так. Ошибались товарищи писатели – со следующей ступеньки удобно только пнуть тех, кто ниже. Не более того. Неподходящие будут истреблены.

Когда все удастся, Земля будет застроена Гнездами, установками Веденеева, и каждого нового младенца будут инициировать сразу. Или убивать, если не получится подключить к остальным. Прекрасный новый мир, Спарта на новом витке эволюции.

Впрочем, самому Кату решительно все равно. Его дело – служить Гнезду. Раз требуется захватить Воронеж – он придумает, каким образом. Да уже почти и придумал. Ничего особо сложного, бойцов только маловато. Но и это решаемо. Шаг за шагом, step by step.

Ничего себе, английский? Да, это теперь тоже в голове, как и многое другое.

Итак, первыми на очереди будут...

– Пора спать, – выделился из хора в голове голос Ираиды. Остальные были безымянны, но вот она... Возможно, кусочек ее собственного «Я» тоже дрожит где-то тонкой полосой.

– Да и так раннее утро же... Ни свет ни заря.

– Пять утра, все верно. Но тебе нужно отдохнуть, исключений нет – после инициации это необходимо.

Спать так спать. Он и сам это чувствовал, команда была своевременной.

Кат положил на полку шкафа почти пустой рюкзак и тихо прикрыл дверь. Жесты его стали плавными и быстрыми, как и у остальных порчей. Питомцев. Порчей! Он мог называть их так про себя.

Больше он пока ничего не мог, да и не хотел. Только спать. И видеть сны...

* * *

Парой километров южнее и на тридцать метров ближе к небу все было гораздо сложнее. Пересидев в подвале «полтинника» облаву, которая шла на поверхности, Дюкер и Леший решили выйти наверх. Надо искать уцелевший

грузовик, братьев-гвардейцев и думать, как быть дальше.

Дюкер разозлился. Ему все было не так, но Леший подозревал, что дело не в неудаче и не в пленении порчами, а скорее в самопожертвовании сталкера. Бензиновый король, всю жизнь живший для себя и по своим правилам, впервые увидел, что бывает и по-другому.

– Его схватили порчи?

– Шеф, я уже говорил... – Леший мастерил из подручных материалов лук и стрелы, поэтому откликнулся на нервные выкрики командира неохотно. Оружия-то не было, а так хоть пяток выстрелов – не бог весть что, но лучше, чем с голыми руками. – Я видел, как он упал.

– Ну...

– ...баранки гну. И его закинули в аэросани. Вас же на них привезли?

Дюкер нервно кивнул:

– Значит, он у порчей.

– Мы его отобьем!

Леший вздохнул и начал приматывать найденный в схроне кусок проволоки, крепя к длинной щепке зазубренный наконечник из консервной банки. Охренеешь таким чудом кого-то хотя бы ранить, но и вариантов изготовить оружие – негусто.

Своих они нашли уже под вечер, выбравшись на поверхность и по следам дойдя до боковой дороги, уходившей извилисто куда-то влево, под горку. Вдали виднелись многочисленные маленькие строения, которые Леший никак не мог опознать:

– Дачи, что ли, шеф? Странно.

– Какие дачи посреди города, чудила! Гаражи это. Гаражный кооператив раньше называлось. Их там тысячи две, клетушек, рай для сталкеров, если фон низкий.

По всей видимости, бойцы Базы за врагом решили не гоняться, потери серьезные. Отступили, удовлетворившись сожженным грузовиком. По крайней мере, Леший свежих следов не видел, только две занесенные снегом колеи от колес с характерными сетчатыми отпечатками цепей.

– Точно, наши! Больше никому.

– Угу. Сейчас как приложат из пулемета, не присматриваясь.

Дюкер недовольно оглядывался по сторонам и всю дорогу бурчал. Плен сказался на нем не лучшим образом, а тут еще Кат... Пионер-герой. Неприятно, что кто-то может пожертвовать собой.

Даже прожженным негодьям неприятно. Особенно им.

Стрелять не глядя складские, конечно, не стали. Светло еще, метель утихла, да и пара биноклей у часовых нашлась. Даже навстречу вышли – встретить командира и его верного телохранителя. Следы следами, но мимо пройти было недолго. Запутывая вероятную погоню, оставшийся броневик нарезал несколько кругов, иногда возвращаясь по своей колее, так что с ходу не поймешь, где он остановился.

Место было выбрано удачно: небольшой овраг, куда ныряла застроенная рядами гаражей узкая дорога, скрывал автомобиль из виду, а наблюдатели на двух крышах контролировали все подходы. Из одного гаража, сломав замок, с трудом выкатили престарелый «Москвич», почти вынесли на руках, и заперли им подъезд с тыла.

Нормальная позиция. Без вертолета или дрона не обнаружить, а подобной техники больше не было ни у кого.

– Шеф, там наши... – грустно сказал Сивков, один из старых бойцов склада, еще из тех, кто выбрал когда-то Дюкера командиром.

– Знаю, видел. Я ж почти добежал, когда стрелять начали.

Сивков понурился. Жизнь после Черного Дня и так далеко не сахар, но потерять сразу шестерых товарищей – ни в какие ворота. Да и за что? В чужом городе, до которого никому из складских дела нет. Если бы не командир, они бы сюда и не сунулись.

– Но теперь-то – домой? – с надеждой спросил боец. Двое подошедших приветствовать командира загалдели было одобрительно, но Дюкер оборвал их:

– Дело не закончено. Мне нужен был Кат – я получу Ката.

– Да на хера он... – начал было Сивков, но командир обжег его взглядом:

– Я принимаю решения. Не нравится – земля большая, Вить, ты знаешь. Иди, куда хочешь.

В наступившем молчании Леший похрустел по снегу к грузовику, легко запрыгнул в кузов и начал там дребезжать железом. Дальше без огнестрела ходить по городу он отказывался. А лук припрятать надо, вон под сиденье – самое место.

Вдруг когда пригодится.

– Обсуждения не будет, – закончил Дюкер. – Где их база, мы знаем. Атака утром.

– Там бункер вроде...

– Ну и что? У нас броня, семь стволов, включая пулемет, и внезапность. Нам их и убивать не надо, захватим пару человечков, сменяем на сталкера. Фигня, прорвемся.

Дюкер щелкнул зажигалкой и полюбовался на язычок пламени, давая понять, что вводная закончена. Сивков пожал плечами и закурил самокрутку, вытащенную из кармана, покашливая и выпуская удушливые облачка дыма.

Ночь выдалась холодной. Когда-то ноябрь был осенним месяцем, но с Черного Дня он стал уже зимой. Самой настоящей, с трескучими морозами и без надежды на тепло до мая. Грузовик, сохраняя тепло двигателя, приходилось заводить каждые полчаса. Часовые менялись по графику, только Дюкера никто не трогал.

Он спал в кузове, завернувшись в пару тулупов. Спал чутко, время от времени высываясь из горы потертого меха и посматривая на приоткрытую дверку. Темно. Все еще темно.

- Сивков, времени сколько?

- Спит он, шеф, - вместо него откликнулся Леший, бродивший снаружи. - Часа два сейчас, отдыхай.

- Ага... В полпятого меня ткните, поедем.

Дюкер вновь проваливался в неглубокий сон, наполненный погоней за кем-то, горящим Колизеем и - почему-то - разговорами с Катом. Вот только окончательно проснувшись, он не вспомнил ни слова.

- Время, - глянув на часы в кабине, сообщил Сивков.

Он же и сел за руль, рядом с ним расположился боец с автоматом, а Леший полез в узкое пулеметное гнездо. Гнездышко. Ни вздохнуть, ни пернуть. Зато прикрыт броней и обзор отличный, ничего не скажешь. По диспозиции там он пробудет до подъезда к базе порчей, потом его заменит кто-то из кузова, а сам следопыт уйдет в свободную охоту.

План Дюкера был прост, как табурет.

Пройти сторожевой периметр пресловутого Круга-в-круге, где люди от головной боли теряли сознание, пешком нереально. Однако у них есть машина, поэтому достаточно разогнаться и проскочить защитную полосу. Как подозревал командир складских - и Леший вполне согласился с его логикой, - порчи сами бы не перенесли действия своей сторожевой системы. Значит, это узкая полоса - пролетел, и готово. А дальше разобраться на месте, вряд ли убежище под бывшим заводом очень глубокое.

Разумеется, они ошибались, но вины Дюкера в этом не было.

Кто ж знал, как оно на самом деле. На небольшом форпосте бы сработало. Леший и пара бойцов должны были прикрывать со стороны, гасить любое сопротивление и подойти уже после отключения периметра.

Холоден и мрачен был предутренний город. Снег под колесами скрипел, двигатель фыркал время от времени, сбиваясь с ровного хода, но атака началась строго по плану командира. Незаметными тенями из кузова остановившейся метрах в ста от открытых ворот завода машины выпрыгнули Леший, Данила и Самоцвет, к пулемету протиснулся сам Дюкер; все было готово к нападению.

* * *

Кат проснулся резко, рывком, но, открыв глаза, увидел не комнату под землей. Он словно смотрел чужими равнодушными глазами на хорошо знакомую пустую площадку перед заводоуправлением. Налюбовался когда-то на всю оставшуюся жизнь, правда, с другой стороны. Вон и окно видно, в многоэтажке напротив, где у него был наблюдательный пункт.

– Тревога, – пронеслось в голове. Но не он сам это подумал, чужая мысль. При этом – как своя. Он видел и слышал то же, что и безымянный постовой порч где-то наверху. – Попытка атаки на Гнездо.

За воротами, ворча изношенным двигателем, разворачивался грузовик – то самое бронированное чудище с нашлапкой пулеметной кабины сверху.

Неужели Дюкер? Неуемный певец. Да и неумный.

Кат прекрасно понял, что сейчас произойдет, но как-то отстраненно. Словно и не знал никогда бродячего владыку склада с бензином, не пил с ним из одной фляжки, не решился всего сутки – да меньше! – назад отвлечь от него бойцов Базы.

– Разгонятся и подъедут, – подумал Кат. Странно, но его мысли всем не транслировались, для этого требовалось усилие. – Зря они так.

Картинка раздвоилась. Теперь на те же ворота, через которые, натужно воя, проезжал грузовик, смотрели уже двое. С немного разных ракурсов, причем второй – в прицел чего-то весьма крупнокалиберного.

Бронированная тушка грузовика проскочила ворота и, явно потеряв управление – Кат помнил, как бьет по голове защитное поле, – вильнула в сторону, сшибая декоративные столбики ограждения.

Снега внутри ограды не было, теперь Кат знал почему – отводка тепла от реактора, – но это и не важно: замедленно, как в фильмах предков, грузовик достиг определенной точки территории. Подскочил на бордюре, подкидывая вверх кабину.

– Пора, – прошептал Кат. Самому себе. Всем своим новым частям разума, слитым в единую сеть. В Сферу.

Это была не одна мина. Три. Противотанковые, замкнутые в цепь и снабженные дистанционным управлением.

Кабину вместе с прилепленным сверху пулеметным гнездышком оторвало и ударило о стену давно заброшенного склада, в котором, наверное, до сих пор на полу лежали целые штабели плитки. С черепахами и дельфинами, узорами во всю площадь, любых цветов и оттенков, как и полагалось раньше. Объятый пламенем бесформенный металлический огрызок проломил стену и расплющился уже там, внутри, обо все это заброшенное богатство. Двое в кабине и один сверху вряд ли пережили даже взрыв, а уж теперь от них точно ничего не осталось. С гарантией.

Кузов просто разнесло на куски – не спасло ни самопальное бронирование, ни довольно крепкая рама. На месте подрыва осталась многоугольная воронка, в которую осыпались куски асфальта, земля и обломки машины. Снизу шел дым.

Леший стоял, открыв рот, и смотрел. Наверное, остальные двое бойцов реагировали примерно так же – сказать было нечего. Хрен их знает, порчей, кто они такие, но база защищена от людей и покруче складских. Тут вообще не пройдешь.

– Бля, там же шеф... – протянул Данила. Леший, не оборачиваясь, кивнул:

– Был. Но я теперь из города просто так не уйду... Конец этим сукам, так или иначе.

Он медленно пошел к воротам, раскрыв глаза. Узкие кошачьи зрачки обшаривали пространство, ища хоть одну цель. Любую. Малейшее движение.

– Убрать? – пронеслось в мыслях Ката.

Хорошо проводить совещания вот так: все друг друга слышат, все и есть одно существо. Черт его знает, как они вырабатываются, решения порчей. Но происходит это почти мгновенно.

– Он нам не опасен.

– Он не пройдет. Лишние трупы.

– Захват?

– Нет смысла. Дистанционная проверка. Не годен.

Объяснить человеку, не включенному в сферу, как происходили этот обмен мыслями и выработка решений, невозможно. Это как слепому толковать об оттенках красного заката над морем.

Леший прошел семь шагов. Дольше, чем кто бы то ни было до него, но шанса пересечь периметр не было и у него. Следопыт упал на колени, потом тяжело рухнул на холодный асфальт, звякнув автоматом. Поворочался и пополз обратно. Двое его спутников не решились даже сунуться в ворота.

– Уходим... – прохрипел Леший, с трудом вставая на ноги. – Без толку. Но мы вернемся!

Кат смотрел ему в спину чужими глазами. И Леший, оказывается, жив. Но и эта новость не вызвала никаких эмоций.

– Отбой тревоги. Вероятность пожара близка к нулю.

Как они... мы все быстро рассчитываем... Сталкер вновь уснул – разгоряченный, разогнанный как ракета мозг его требовал покоя.

* * *

Леший с товарищами смог дойти почти до Чернавского моста, успешно миновав убежища городских, стаю мортов и усиленные патрули военных. Спасали острые слух и зрение. Но вот падение сверху двух огромных птиц, неведомо откуда вынырнувших из рассветного неба, он прошляпил.

Успел только уклониться, упасть на снег и перекатиться на бок, спасаясь от острых когтей. Да еще выстрелить вслед короткой очередью, благо Данилу задеть он не боялся – судя по смятой когтями фигуре товарища, тот погиб сразу, от удара.

– Кер-ке-кеке! – пронеслось в воздухе. Мерзко как кричат...

– Интересные здесь у вас птички, – прошептал Леший, прячась под ржавым брюхом давно сгнившего посреди дороги грузовика. И ведь спрятался, чего не скажешь о Самоцвете.

Второй сов, высмотрев добычу, не медлил: удар острого загнутого клюва раскроил складскому череп прямо через шапку. Да здесь и от каски толка было бы не много.

Леший выстрелил и в этого, но от коротких очередей огромная птица пострадать не могла, а палить длинными – значит оставить себя в этом злом месте безоружным. Вообще.

Было трое смелых, остался один быстрый.

Чернавский мост, плюнув на высокий фон, Леший преодолел бегом. По пути он вспомнил рассказ Ката о сражении с совом на каком-то здании голыми руками и который раз удивился. Похоже, покойный шеф был не так уж и неправ – парня недурно иметь на своей стороне.

Только вот своей стороны у Лешего здесь не было.

Уходить из города и поднимать остатки складских? Да, есть еще броневики. Есть цистерны – можно недурную бомбу загнать на территорию порчей, сами удивятся. Только вот стоило ли оно того? Возможно, лучше уйти и забыть всю эту историю как страшный сон.

Но оставался еще и сам Кат, которого Леший считал другом. И вытащить его из лап этих странных сектантов – не только предсмертное желание Дюкера, но и его собственное, вполне себе прижизненное.

По дамбе, соединявшей мост с левым берегом, бежать было легче: меньше машин, почти целый асфальт. Следопыт рвал легкие, перемещаясь привычными огромными скачками – таиться здесь не от кого, а счетчик тикает, накручивая миллизиверты. Ледяные поля, сковавшие водохранилище с обеих сторон дамбы, немного спасали – летом здесь и вовсе не пройти, видимо.

Леший оглядывался на бегу. Попасть в лапы совов сейчас – уж совсем обидно, почти ушел же. Обостренным зрением он засек небольшие группы людей в сером, перемещавшихся на оставленном правом берегу. Но люди – это ладно, люди не так опасны.

Добежав до широкого перекрестка, он вздохнул и перешел на шаг. Из всех, о ком он слышал от Ката, обратиться за помощью можно было только к общине Фили, Детям дракона. Если они согласятся выслушать неведомого человека, конечно.

Значит, ему налево.

И лучше не идти по центру дороги, что-то он расслабился в своих лесах.

7. Против всех

Ехали долго. Филя с удивлением узнала о некоторых сложностях, связанных с перемещением на лошадях. Это довольно неудобно с непривычки; их надо кормить, давать время на отдых, да и в целом не намного быстрее пешего перехода.

Хотя, конечно, быстрее. Раза в три.

Но все равно пришлось ночевать в каких-то развалинах по дороге, мерзнуть у никчемного костерка и ужинать сомнительными харчами, взятыми с собой провожатыми. Что боги княжества послали, то и съели. Даже коняшкам, похоже, повезло с едой больше.

Или они просто не умели жаловаться.

Проводники – три хмурых мужика на одинаково тощих лошадях – довели Филю до пригорода, поворота на Тамбовскую трассу. Места здесь были пустынные, да и родное убежище почти рядом, смысла вести ее дальше не было. Мужики с сомнением смотрели на видневшиеся вдали многоэтажки, качали головами и отплевывались, крестясь. Боялись сглаза, радиации и городских монстров, не иначе.

Причем непонятно, чего больше.

Насчет сглаза – это они про ее двойной зрачок наверняка, мортов не видно, а фон здесь нормальный. Если на крыши не лезть и левее не забираться, в сторону Минской.

– Марко передайте, что я добралась. Сделаю, что смогу.

Филя бросила поводья своей лошади, повернулась и, не прощаясь, пошла в направлении города. Снег похрустывал под ногами, успело уже насыпать и здесь. Чужих следов видно не было, что и к лучшему: ни людей, ни – тем более – мортов встретить не хотелось. Хотя стаи вроде как подчиняются Голему, но всегда есть риск натолкнуться на отдельных особей.

С непривычки от верховой езды болело все тело, но Филя старалась не жаловаться даже самой себе. Шла прямо, привычно оглядывая окрестности.

Рюкзак за спиной, возвращенный Марко автомат на плече. Жить можно.

За последние полгода судьба ее совершила уже столько прыжков и переворотов, что дочь дракона начала привыкать. Предыдущие восемнадцать лет казались сонным размеренным существованием, несмотря на бои с соседними бандами, потерю некоторых друзей и суровую реальность жизни под землей.

Потом появился Кат. Воин. Она так его и звала. Муж... Непривычно. Вместо погибшего брата Книга дала ей другого защитника. Только счастье получилось недолгое – пока заживала раненая нога Ката, он еще терпел на одном месте, а потом – в поход, искать Чистый Град.

Зря, конечно, она бы и в родном убежище посидела оставшуюся жизнь, хоть и заманчиво найти сказочный край. Но – жена за мужем, как нитка за иголкой.

Так, мысли мыслями, а вот кто там возле совсем уже близкой девятиэтажки трется? По идее, территория уже их, детей дракона, но небольшая группа людей в сером к ним явно не относилась. Братья из этого... Шиловского леса, что ли? Куда их занесло. Кат рассказывал, что сами по себе они не очень агрессивны, максимум попытаются в жертву принести сову. Но если у них есть жесткий приказ, то могут и напасть.

Осторожнее надо бы.

– Добрый день, странники! – смело сказала Филя. – По каким делам в наших краях?

А ведь они дрались недавно с кем-то: у одного рука на перевязи, а второму голову замотали обрывком его же накидки. Вон бурые пятна проступают.

Филя сняла автомат с предохранителя, не таясь щелкнула затвором. В городе давно каждый сам за себя, не стесняться же этих чужаков.

– Здравствуй, сестра! Во имя Черного Пламени и великого Черноцвета скажи нам: ты из какого убежища?

– Вам-то что? Проваливайте к себе в лес.

– Неприветливы люди местные и вздорен их нрав, – вздохнул старший серый брат, оборачиваясь к своим помощникам. – Зло здесь повсюду, зло и обман.

Братья, к которым Филя подошла слишком близко, между тем обступали ее полукругом. Оружия в руках не видно, но кто из знает, что там, под серыми хламидами.

– Стоять! Ближе не подходите! – выкрикнула Филя. Ей сейчас особенно остро не хватало рядом Ката. Или хотя бы Винни с его автоматом. Впрочем, шесть человек, здесь и ребенок справится.

– Стойте, братья, стойте... – мягко согласился старший. – Она опасна.

Серые застыли. Филя отошла на пару шагов назад, не сводя с них глаз. И не опуская автомат, конечно.

– Преломи с нами хлеб, сестра.

– Со снотворным? – фыркнула девушка. – Ищите идиотов в зеркале. Уходите отсюда!

– Мы идем, идем, не волнуйся, – прямо-таки проворковал старший, махнув рукой.

Видимо, это был знак для всей банды: трое братьев рванулись к Филе одновременно. Автомат, поставленный на одиночную стрельбу, подпрыгнул в руках девушки. Она стреляла не задумываясь: в двух шагах от родного убежища попасть в руки этих придурков?

Вот уж спасибо!

Один остался лежать, где упал, на снегу из-под него расползлось алое пятно. Второй катался по земле, мешая остальным. Третий из нападавших наклонился и растопырил руки, будто хотел схватить ее под колени. Или это он от пуль так спасался?

Она выстрелила ему в макушку и отпрыгнула в сторону: уже мертвое тело по инерции упало на ее прежнее место.

– Я сказала – уходите! – повторила Филя.

Серых ей было не жалко, а вот патронов – очень. Если можно обойтись без дальнейшей стрельбы, то лучше бы так. К тому же на стрельбу недалеко от убежища должны обратить внимание патрульные, сейчас подойдут, нечего боеприпасами разбрасываться.

Раненый под ногами оставшихся троих братьев затих, дернувшись напоследок. Все-таки наповал, а то она уж сомневалась.

– Мы уходим... – сказал старший.

Один из его помощников откинул капюшон и оказался довольно милостивой женщиной, старше Филя на вид. Лицо портила только полоса какой-то кожной гнили, выползавшая из-под редких волос и уходившая вниз по щеке до шеи.

– Ты могла бы пойти с нами, сестра. Нам не хочется отдавать тебя в лапы наших новых союзников, если есть возможность познать Великое Черное пламя.

– Каких союзников? – недоуменно спросила девушка. – Новые совы?

Старший серый засмеялся. Жутковато, скривив губы, словно выполнял ненужный самому себе ритуал:

– Нет, не совы. Иди. Твоя смерть близка.

Филя не выдержала. Конечно, проще было отпустить их на все четыре стороны, но усталость, больная, будто отбитая палкой спина и неизвестность впереди сделали свое дело. Она выстрелила. Дважды. И старший, и его стоявший чуть в стороне брат упали. В живых осталась только женщина, пристально смотревшая на Филю.

В ее зрачках еле заметно мерцали язычки темного огня.

– Выбор твой неверен, – сказала наконец женщина и накинула капюшон.

Филя обошла ее, стараясь не наступать в окровавленный снег, и направилась к убежищу. Прошла она шагов пять, уже выбросив из головы неопасную на вид собеседницу, как что-то с силой ударило ее в левую руку повыше локтя.

Камень, что ли, бросила, сука серая?!

Оборачиваясь, девушка заметила в руках женщины нож. Короткий, как рассказывал Кат, пригодный в основном для метания. Ну или мясо порезать. Руку тем временем словно облили кипятком: она горела, пальцы отнялись и обвисли плетью. Вряд ли это камень...

Автомат в последний раз плюнул смертью. Женщина, уже закинув назад руку с ножом для броска, так и застыла на несколько мгновений, а потом тяжело завалилась назад, словно статуя богини мщения. На серой ткани накидки на груди расплылось небольшое пятно.

Только теперь Филя охнула, отпустила повисший на ремне автомат и ощупала здоровой рукой предплечье, сразу наткнувшись пальцами на короткую рубчатую рукоять.

– Вот тварь... Как же вытащить?!

Жар от плеча растекся уже по всей груди, боль дергала и отдавала куда-то в сердце. Должны уже прибежать. Кто-нибудь из своих, тут метров сто, не больше...

Филя с трудом дошла до стены, оперлась на холодные кирпичи, едва не уронив автомат. Зажала рукоять ножа, насколько позволяли силы, и дернула. От острого приступа боли девушка чуть не потеряла сознание, но, закусив губу, все же выстояла. Вытерла нож от крови прямо о брюки и сунула за пояс.

Хорошая сталь, такой разбрасываться грешно.

В глазах плавала и покачивалась стена, но Филя стащила с повисшей руки куртку, достала из рюкзака полосу ткани. От слабости пришлось сесть на снег,

но наплевать – она, как смогла, перетянула рану, помогая себе зубами.

– Тварь... Вот тварь, – беззвучно шептала она. Ругань помогала не раскиснуть, не отключиться прямо здесь. – Новые союзники у них... Как же больно-то!

На помощь так никто и не прибежал. Совсем ребята расслабились, перестрелка под носом, а ни патрульных, ни одинокого разведчика.

Опираясь на автомат – спасибо небольшому росту! – она встала, пошатываясь. Вытерла измазанную в крови руку и вцепилась в компенсатор: не стволом же в землю направлять.

Двести метров до входа в убежище пришлось идти почти полчаса, останавливаясь, вытирая мокрый лоб и ежик едва отросших волос под шапкой. Тишина. Спокойствие. Оглянешься назад – цепочка твоих же следов, и все.

Ржавая машина, испокон веков закрывавшая от чужих глаз люк, лаз в убежище детей дракона, была отброшена в сторону и валялась теперь колесами вверх в заросшем кустами палисаднике. Слово ураган прошелся по улице, только вот больше ничего не пострадало. Филя с трудом подняла автомат, повесила на плечо. Сейчас оружие важнее подпорки.

И нигде никого. Это плохо. Это – очень плохо.

На душе у нее стало тревожно. Банды, составлявшие население левого берега, воевали друг с другом постоянно. Захватить и разграбить чужое подземелье – мечта многих, но здесь что-то было не так. Ее бойцы должны были стоять до последнего – даже здесь у входа валялись бы тела, гильзы, была бы кровь. Но – ничего. Только отброшенный в сторону старый грузовичок, служивший убежищу камуфляжем входа.

Черт, да как же больно...

Филя полезла в люк, стараясь не задевать лестницу раненой рукой. Добралась до низа: герметичная дверь бомбоубежища, обычно закрытая на засовы – настежь. Часового ни перед ней, ни в коридорчике переходного шлюза. И опять – ни оружия, ни крови, ни следов боя. Мистика...

Ушли они все, что ли?! Но куда уходить из родного форпоста...

Взяла динамо-фонарик, так и лежавший на положенном ему месте у двери, в нише. Рука одна, а надо и автомат держать, и жать тугую рукоятку. Что важнее? Но без света никуда.

Так и пошла дальше, с цепляющимся за стены автоматом, зато подсвечивая себе дорогу. И так бы не заблудилась, всю жизнь здесь прожила, но надо смотреть по сторонам. Попытаться понять, куда все делись. Коридор. Каморки по сторонам. Желтый дрожащий луч выхватывал из темноты то ржавые кровати, то тряпки, то посуду. Холодные нерастопленные печки – она специально зашла в одну комнатку, потрогала рукой.

Людей не было. А вещи вроде бы на месте. И запах. Странный, не присущий убежищу запах, что-то мерзлое и тяжелое висело в воздухе.

Не похоже это на захват соседней бандой. Совсем не похоже. Скорее на внезапное бегство, только вот от кого и – главное – куда? Не могли же все убежать, что бы здесь ни было – костяк бойцов бы сражался за свой дом.

Она подсветила дверь в главный зал – сердце и смысл всего убежища, где проходили собрания под гордым изображением дракона, где гадали. Где она вышла замуж. Двери не было. Прямоугольник проема весь в зазубринах, петли торчат, наполовину выломанные из стены, а самой двери нет. Ощущение, что некто выгрыз себе проход в зал, а само полотно выбил лбом.

Вздыхнув, Филя зашла в зал и остановилась, жужжа фонариком, обводя его светом помещение. Никто никуда не убежал. Все они были здесь, на полу, почти ровными рядами. И странный запах, мучивший ее всю дорогу по убежищу, шел именно отсюда. Синие после смерти, бритые наголо жители ее дома лежали, словно аккуратно сложенные безумным дровосеком бревна. Словно нарочно в дрожащий овал света попадали лица, искаженные ужасом, татуировки на висках.

Все они здесь. Все.

Как богиня смерти, обходящая свои владения, она прошла вдоль рядов. Рваные раны, укусы, оторванные конечности, а иногда и головы. Кто бы это ни сделал,

ему не понадобилось ни единого выстрела. Многие тела были объедены, причем уже после гибели, и на крыс или что-то подобное списать было невозможно – следы как минимум укусов мортов, да и у тех пасть поменьше.

Подушки вокруг порваны, лужи крови засыпаны перьями из них и рваными кусками синтепона. Внутри все сжалось в тугий комок, но Филя не произнесла ни звука. Даже раненая рука почти не болела. Эта незначительная беда отступила перед глобальным горем.

У нее больше не было семьи. Друзей. Дома.

Девушка подошла к алтарю дракона. Подставка, на которой бережно хранилась Книга Перемен, была перевернута и сломана. Будто раздавлена чужими злыми пальцами, как ненужная скомканная бумажка.

Самого дракона, задумчиво смотревшего на зал собраний, видно не было: полосы давно высохшей, а скорее даже замерзшей крови покрывали картину почти полностью. Крест-накрест, кругами, разводами и кляксами. Единственный видимый глаз дракона был печален, он словно налился невыплаканными слезами, да так и застыл на мерзлой стене.

Филя поклонилась ему.

– Не спас своих Детей, создатель мира? – тихо спросила она. – Значит, так и должно было случиться... Хорошо, что брат не дожил.

Она отвернулась и пошла к выходу. Смотреть здесь было не на что. Не на кого. Незачем. Надо было жить дальше, хотя бы ради Ката.

И – ради мести.

Уже у самого выхода она обнаружила странное тело, точно не принадлежащее к жителям убежища. Здоровенный, метра два с половиной мутант, больше похожий на тритона, чем на человека. Запрокинутая назад голова, острые окровавленные зубы, даже после смерти обнаженные в злой ухмылке. Когти. Никакой одежды и вообще никаких примет, к кому эта тварь могла бы относиться. Не серый брат, это очевидно, но кто он?

Чей он, чтобы предъявить счет и получить полную оплату? С процентами.

Филя пнула ногой заоченевший труп и вышла из этого жуткого морга. Ее мутило – то ли от увиденного, то ли от раны. Нужны были тепло и отдых. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

Ей показалось, что Дракон смотрит ей в спину, но Филя не стала оборачиваться. Коридор впереди был пуст. Она зашла в оружейку, которую покойный брат важно называл арсеналом: пусто. Ряды подставок под оружие, вывороченные на пол ящики, где хранились патроны и гранаты. Ничего. Неведомый враг забрал все, что нашел из оружия. Стало быть, это – не звери. Или не только звери.

«...новые союзники...» – вспомнила она на ходу, с трудом передвигая ноги. Серые плюс... кто?

Одни вопросы. А ответов нет. Какие там ответы – она сейчас потеряет сознание и сдохнет здесь, недалеко от всех своих друзей.

Каморка с лекарствами тоже была разграблена, но как-то странно: исчезли все таблетки, даже пачки блистеров активированного угля. Разбита часть ампул, но многие целы. Похоже, враг плохо разобрался в лекарствах.

Она рухнула на табурет, удачно стоявший возле шкафа с остатками медикаментов. Потянула на себя дверцу и стала искать необходимое. Спирт. Странно, люди бы забрали его первым делом, а он вот, почти литр в пластиковой бутылке. Вата. Шприц. Банка физраствора. Антибиотики. Все лекарства были давно просроченными, но это волновало Филю меньше всего.

Других все равно давным-давно нет.

Смешала порошок с физраствором, кое-как протерла участок кожи на бедре, спустив штаны, и вколола антибиотик. Дракон знает, поможет это или нет, но хуже не будет. Куда уж теперь хуже. Антигистаминное. Витамины. Жаропонижающее. Анальгин. Бедро уже болело от уколов, но какая это чепуха по сравнению с рукой.

И с душой, которую выжгли дотла.

Она с трудом встала и пошла в свою каморку. Какая разница куда, конечно, но Филе хотелось хотя бы посмотреть на родные стены. Прилечь на заботливо сколоченную братом лежанку – она в детстве пожаловалась, что ржавая панцирная сетка скрипит, вот он и собрал доски, заботливо смастерив новую кровать.

В конце коридора что-то мелькнуло. Филя подняла голову, потрогала локтем автомат, но решила не волноваться. Всех, кого могли, уже убили. И ушли. Нет здесь никого, это глюки из-за раны и переживаний.

Она дошла до своей комнатки, откинула тяжелую холодную тряпку, закрывавшую вход и протиснулась внутрь. Да, и здесь все на месте – их с Катом кровать. Вещи брата. Даже автомат, который отдали бойцы с «Площади Ленина» после его смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mori_yuriy/metro-2035-embriion-sliyanie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)